

инв. ш/69



ВЫСШАЯ ШКОЛА МВД СССР

На правах рукописи

Для служебного пользования

Экз. № _____ 89

ВЛАДИМИР ПРЕРАД

СЛЕДСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

(по материалам органов предварительного следствия ЧССР)

(Специальность 717. Криминалистика)

Автореферат
диссертации на соискание
ученой степени кандидата юридических наук



Москва — 1969

*3626
К.
32-1-393*

ВВЕДЕНИЕ

Деятельность органов предварительного расследования и суда в борьбе с преступностью может быть успешной лишь в том случае, если их решения по делу будут обеспечивать установление объективной истины. Обязательность установления объективной истины является первоочередным и безусловным требованием, без которого нельзя обеспечить раскрытие преступлений и справедливое наказание преступников (§ 1 УПК ЧССР).

Процесс расследования в целом не является прямым отражением события преступления. Следователь устанавливает истину о прошлом событии при помощи доказательств, путем доказывания. Доказывание осуществляется в соответствии с правилами, выработанными науками уголовно-процессуального права и криминалистики, проверенными практической криминалистической деятельностью.

Познаваемая в процессе судопроизводства действительность является объективной, существует независимо от воли и сознания субъекта доказывания. Процесс познания объективной действительности в ходе судопроизводства является процессом собирания, исследования, оценки и использования доказательств.

Доказывание как процесс собирания, исследования, оценки и использования доказательств как процесс установления объективной действительности, не может быть отождествлено с процессом научного исследования, потому что в данном случае речь идет о специфической форме криминалистической практики. Однако при осуществлении доказывания следует исходить из положений и принципов процесса научного познания объективной истины, следует пользоваться научными методами познания, криминалистическими методами, которые базируются на современных достижениях ряда наук, используемых либо творчески перерабатываемых криминалистикой в своих целях.

Особенностью науки криминалистики, по мнению Я. Пьешака¹, является то, что она призвана прежде всего разрабатывать, рекомендовать методы, способы и средства успешного выявления, расследования и предупреждения преступности в целом, в том числе и методы установления объективной истины в уголовном процессе. Криминалистика исходит при этом из всеобщности диалектико-ма-

¹ См. Я. Пьешак. Введение в криминалистику. Прага, 1965, стр. 58 (на чешском языке).

териалистического метода познания, в основе которого лежит признание первичности материального мира и способности человеческого сознания правильно отражать объективную действительность.

Признание всеобщего значения марксистской диалектики никак не исключает существования и использования криминалистикой иных научных методов познания. Автор считает, что диалектический материализм является единственным всеобщим методом познания, но не единственным научным методом, что все другие методы носят по отношению к нему частный характер, являются частными методами с ограниченной сферой применения. Всеобщий характер материалистической диалектики, таким образом, не только не исключает, а, наоборот, предполагает существование специфических методов криминалистики. Каждый из этих методов является орудием, инструментом обнаружения, расследования или предупреждения конкретного преступления.

Образование самостоятельных специфически криминалистических методов не является произвольным. Оно обусловлено, прежде всего, специфичностью данной системы методических и технических приемов, средств и операций, которые лежат в основе каждого специального метода. Специальный метод определенной науки является специфическим именно для данной отрасли науки либо для процесса познания данного объекта; он создается комбинацией частных методов познания, к которым относятся: наблюдение, описание, измерение и вычисление, сравнение, эксперимент.

Поэтому специальные методы каждой науки и, следовательно, криминалистики не отгорожены какой-то преградой от вышеуказанных частных методов научного познания, а являются производными от них.

Среди частных методов познания существенное место занимает эксперимент.

В криминалистике, так же как и в других науках, экспериментальный метод применяется в качестве эффективного средства исследования сущности объектов и раскрытия закономерностей, которые их охватывают.

При помощи эксперимента объект исследования либо воспроизводится (реконструируется) искусственно, либо ставится в точно определенные условия, что и позволяет узнать влияние изменений отдельных условий на отдельные свойства, качества, стороны исследуемого объекта.

Преимущество эксперимента (по сравнению с иными методами познания) заключается в том, что при его помощи выделяются и изучаются интересующие нас отношения, реакции, стороны исследуемого объекта изучаются в «чистом виде», изолированно от многообразных связей и отношений, вне воздействия «затемняющих» их влияний.

Преимущество эксперимента заключается также в том, что эксперимент обычно можно повторять без ограничения¹, пока поставленная перед экспериментом цель не будет достигнута. При этом возникает возможность каждый раз улучшать, совершенствовать его методику, вносить в нее новые элементы.

Эксперимент в научном познании является моментом практики, которую марксизм включает в теорию познания и считает ее основой и целью познавательного процесса и критерием достоверности сведений. «Показатель жизни, практики, — подчеркивал В. И. Ленин, — должен быть первым и основным показателем теории познания»². В другом месте он пишет: «Практика выше (теоретического) познания, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности»³. Практику, практическую деятельность человека надо, само собой разумеется, понимать не в узком смысле (например, только в смысле производственной практики), а в самом широком смысле этого понятия, включая в него и разные области общественной практики (какой является и обнаружение, расследование и предупреждение преступлений) и практики научных исследований, экспериментирования, организованного и целеустремленного наблюдения и т. п.

В криминалистике использование экспериментального метода исследования осуществляется в основном в двух формах: а) с целью получения новых сведений, а также совершенствования приемов исследования отдельных явлений и их причинной обусловленности (то есть в тех же целях, что и в иных науках); б) в качестве одного из методов познания и доказывания объективной истины в уголовном судопроизводстве (в виде самостоятельного метода или составной части иных криминалистических методов).

В диссертации уделяется внимание второй из указанных форм использования экспериментального метода в криминалистике, точнее в основном только такой процессуальной форме применения этого метода, как следственный эксперимент.

Следственный эксперимент как самостоятельное следственное действие занимает существенное место при собирании, исследовании и оценке доказательств в следственной практике. Чехо-

¹ Повторность эксперимента надо понимать относительно. Проблема заключается в повторности любого процесса, следовательно и того же эксперимента. В данной работе мы указанную проблему не рассматриваем. Очень метко ее охарактеризовали авторы работы «К методологии экспериментальных наук» словами: «Практика разрешит с поражающей убедительностью вопрос о «тождественных» экспериментах, хотя мы хорошо знаем, что в смысле лейбницевской аксиомы тождества нет никаких двух «тождественных» экспериментов. Эксперимент является, стало быть, с этой точки зрения, неповторимым, и все-таки одновременно он повторим. Дело связано с правильным пониманием тождества в развитии». См. О. Зих, И. Малек, Л. Тондл. К методологии экспериментальных наук. ЧАН, Прага, 1959, стр. 11 (на чешском языке).

² В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Соч., т. 14 (на чешском языке). ГИПЛ, Прага, 1957, стр. 147.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 195.

словацкий уголовно-процессуальный закон, к сожалению, не регламентирует это важное процессуальное действие.

Отсутствие законодательной регламентации такого важного процессуального действия влечет за собой нежелательные последствия как для теории (криминалистики и уголовно-процессуальной), так и особенно для криминалистической практической деятельности. В теории чехословацкой криминалистики этой проблеме уделялось недостаточное внимание. В практике в силу недостаточной теоретической разработанности вопроса и отсутствия обмена опытом существуют разногласия в понимании сущности и целей следственного эксперимента. Эксперимент часто называют реконструкцией и, наоборот, иногда смешивают его с иными следственными действиями, допускаются ошибки, особенно в обеспечении сходства условий эксперимента, в его фиксации и т. п. Тем самым результаты некоторых экспериментов, принимаемых судом как доказательство, можно считать по крайней мере проблематичными¹.

Тактика проведения следственного эксперимента сложна, рекомендуемые ею приемы, способы и операции экспериментирования предполагают широкое использование положений ряда научных дисциплин: естественных, общественных и технических. Эти вопросы до сих пор в нашей литературе мало разработаны. Между тем многолетняя практическая деятельность автора в органах общественной безопасности позволила ему убедиться в эффективности и целесообразности применения следственного эксперимента в криминалистической практике и дала основания судить о трудностях, возникающих в связи с его проведением, особенно в связи с обеспечением объективности процесса эксперимента и его результатов. Это и предопределило выбор темы диссертации и ее содержание.

В предлагаемой диссертационной работе автор пытается рассмотреть в целом проблематику следственного эксперимента, критически оценить доступные источники, использовать практический опыт и, применительно к исследуемой проблеме, внести предложения, направленные на повышение уровня борьбы с преступностью в чехословацких условиях.

¹ Этот взгляд основывается на результатах изучения документации по значительному количеству следственных экспериментов в следственных органах общественной и государственной безопасности в нескольких краях ЧССР.

Глава I

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

§ 1. ПОНЯТИЕ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

В первой главе диссертации, которая состоит из четырех параграфов, уделяется внимание некоторым теоретическим вопросам эксперимента и использования экспериментального метода в криминалистике, не разработанным в чехословацкой криминалистической литературе.

Мы считаем, что эксперимент в криминалистике используется прежде всего как один из методов познания. Экспериментальный метод научного исследования в условиях следственно-судебной практики «трансформируется», приобретает специфические, свойственные лишь этой разновидности человеческой деятельности признаки, причем не теряет своего экспериментального характера. Он становится методом доказывания.

Применительно к криминалистике можно говорить об использовании экспериментального метода в основном в двух формах.

Применение экспериментального метода в области криминалистической практической деятельности (следственный эксперимент) характеризуется следующим:

а) следственный эксперимент осуществляется в таких же условиях, в каких осуществляется весь процесс расследования, отличных от условий научного эксперимента;

б) результаты следственного эксперимента очевидны, поддаются восприятию человеческими органами чувств, как правило, без приборов, не нуждаются в сложном анализе с использованием особых специальных знаний, в то время как для регистрации результатов научного эксперимента необходимы специальные знания и специальные приборы, без которых результаты эксперимента в ряде случаев недоступны;

в) объектом экспериментального исследования являются отдельные обстоятельства дела. Этот взгляд отстаивают некоторые авторы и убедительно доказывают, что следственный эксперимент не охватывает весь предмет доказывания, а лишь отдельные дока-

зательственные факты, отдельные стороны, признаки, свойства расследуемого события¹;

г) следственный эксперимент должен осуществляться в соответствии с процессуальными нормами, принципами и демократическим духом уголовного процесса;

д) сфера применения следственного эксперимента ограничена;

е) при производстве следственного эксперимента должна учитываться роль субъективных факторов, которые могут значительно повлиять на течение и результаты следственного эксперимента.

Использование экспериментального метода в области криминалистических научных исследований не отличается от его применения в иных науках. Эксперимент подобного рода нельзя, по мнению автора, считать следственным экспериментом. Неправильно также называть такой эксперимент, например, экспертным экспериментом (по субъекту который его производит), если этот эксперимент не имеет существенных отличий от эксперимента, применяемого в научных исследованиях.

Из сказанного можно сделать вывод: а) эксперимент в уголовном судопроизводстве является научно обоснованным, процессуально допустимым методом, служащим эффективным средством познания и доказывания объективной истины по делу; б) эксперимент в уголовном судопроизводстве, несмотря на отличия от научного эксперимента, сохраняет основные черты научного экспериментального метода познания; в) эксперимент в уголовном судопроизводстве опирается на положения целого ряда научных дисциплин, таких, как психология, логика, теория вероятностей и т. п.; г) результаты эксперимента в уголовном судопроизводстве являются доказательством в процессуальном смысле.

В первом параграфе формулируются далее положения, определяющие следственный эксперимент, его природу и место среди других следственных действий. Рассматриваются определения следственного эксперимента, предложенные П. И. Тарасовым-Родионовым, Л. Е. Ароцкером, Р. С. Белкиным, Н. И. Гуковской, В. П. Колмаковым, С. Калиновски, М. Выходил, А. И. Винбергом, М. С. Строговичем, Г. Киллманн, Г. Бецк.

Анализ взглядов отдельных авторов на определение следственного эксперимента показывает, что по этому вопросу криминалисты и процессуалисты разделились в основном на две группы.

Первая группа авторов, репрезентируемая Л. Е. Ароцкером, Р. С. Белкиным, Н. И. Гуковской, определяют следственный эксперимент как следственное действие, которое заключается в произ-

¹ См. М. С. Строгович. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955, стр. 81; С. А. Голунский. О вероятности и достоверности в уголовном суде. Сб. «Проблемы уголовной политики», изд. 4, 1937, стр. 61; Р. С. Белкин. Сущность экспериментального метода исследования в советском уголовном процессе и криминалистике. М., 1961, стр. 34.

водстве опытов. Сущность следственного эксперимента они видят прежде всего **в опытной деятельности.**

Вторая группа авторов, представляемая П. И. Тарасовым-Родионовым, С. Калиновски, М. Выходил, А. И. Винбергом, М. С. Строговичем, Г. Бецк, определяют следственный эксперимент как следственное действие или тактический прием расследования, заключающийся в **воспроизведении, реконструкции** (возобновлении, репродукции) обстановки и обстоятельств события.

Следует еще отметить, что определение следственного эксперимента в советском законодательстве (ст. 183 УПК РСФСР) несколько ближе к взглядам второй группы авторов. В ст. 183 говорится: «В целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для дела, следователь вправе произвести следственный эксперимент путем воспроизведения действий, обстановки или иных обстоятельств определенного события и совершения необходимых опытных действий...».

В криминалистической литературе мы встречаемся с критикой взгляда на содержание (сущность) следственного эксперимента как на воспроизведение (реконструкцию) обстановки и обстоятельств события. Противники этой точки зрения основываются на том, что реконструкция предмета доказывания в целом невозможна. Нельзя реконструировать те же обстоятельства, те же факты, явления расследуемого события. Тождественность двух явлений, фактов, обстоятельств невозможна; реконструированный факт, явление — это всегда новое событие, явление, факт; нельзя реконструировать субъективные моменты, психическое состояние потерпевшего, преступника, и вообще сам термин «реконструкция» надо понимать лишь условно.

Эти соображения представляются нам обоснованными, и мы к ним присоединяемся.

В следственном эксперименте речь не идет о воспроизведении (реконструкции) тождественного явления, факта. Путем опытов при изменении условий проводится экспериментирование — до получения наиболее сходного явления, факта, который отличается от подлинного лишь незначительно и несущественно в условиях, максимально сходных с подлинными. Сходного факта, явления можно добиться в ряде случаев экспериментальным путем и тогда, когда подлинная обстановка и обстоятельства не реконструируются.

Нельзя свести содержание следственного эксперимента к понятию реконструкции обстановки или обстоятельств, потому что одна только реконструкция (например, обстановки на месте происшествия) не нуждается, как правило, в проведении опытных действий, в то время как сущность эксперимента заключается именно в проведении опытов.

Реконструкцию обстановки и обстоятельств в связи с экспериментом автор рассматривает как тактический прием и понимает ее в узком смысле слова (как ее трактует Р. С. Белкин), как размещение подлинных или сходных предметов на месте проведения опы-

тов, в том же порядке, в каком они находились на месте события, которое является предметом расследования. В таком случае реконструкция представляет собой одно из условий проведения следственного эксперимента, необходимое в тех случаях, когда опыты следует провести в условиях, максимально сходных с теми, при которых произошло расследуемое событие.

Одна только реконструкция обстановки и обстоятельств, хотя и понимаемая **в широком смысле**, не исчерпывает содержания следственного эксперимента. Экспериментальная реконструкция обстановки и обстоятельств недостаточна для изучения (познания) явления, которое является предметом исследования. Ее необходимо дополнить осуществлением определенных опытных действий. Речь идет, следовательно, в основном о динамической части эксперимента, при которой в отличие от реконструкции производятся конкретные действия, репродуцируется поведение отдельных участников расследуемого события, моделируются (путем осуществления опытов) явления, аналогичные явлениям подлинного исследуемого события¹.

На наш взгляд, можно следующим образом определить сущность следственного эксперимента: **следственный эксперимент является следственным действием, которое состоит в проведении опытов и испытаний в искусственно созданных или выбранных и систематически изменяемых условиях, с целью получения новых и проверки существующих доказательств, проверки версий о возможности или невозможности существования определенных фактов, событий, явлений вообще или в определенных условиях и установления иных обстоятельств, имеющих значение для дела.**

Преимуществом предлагаемого определения следственного эксперимента, как нам кажется, является то, что оно точнее в соответствии с содержанием и сущностью следственного эксперимента указывает его основные конструктивные элементы: деятельность экспериментатора, предмет экспериментального исследования, экспериментальный характер этого следственного действия, который не допускает сведения его сущности к реконструкции обстоятельств и обстановки исследуемого события, а также содержит указания на методику экспериментирования и показывает, что, несмотря на специфику следственного эксперимента не теряется своего экспериментального характера. Наконец, это определение указывает и на цели следственного эксперимента, соответствующие целям следствия, то есть установлению объективной истины по делу.

С определением понятия и сущности следственного эксперимента связан и вопрос о его самостоятельном характере как следственного, процессуального действия. В чехословацкой литературе по этому вопросу нет единогласия.

¹ См., например, А. Р. Ратинов. Судебная психология для следователей. М., 1967, стр. 124.

В криминалистических и процессуальных источниках, как советских, так и польских, немецких и чехословацких, мы встречаемся в основном с двумя взглядами на вопрос о том, является ли следственный эксперимент самостоятельным следственным действием, или является составной частью иного процессуального действия, или же тактическим приемом или частным способом следствия. Представители первой точки зрения, хотя и отличаются в своих взглядах некоторыми нюансами, в большинстве своем считают следственный эксперимент особым видом (способом) осмотра или только тактическим приемом проверки доказательств при производстве следственного действия (например, осмотра, предъявления для опознания и т. п.)¹.

К этому направлению примыкают и авторы учебника чехословацкого уголовного процесса². В этом учебнике следственный опыт (понятие «эксперимент» не употребляется) включается в осмотр в смысле § 113 УПК ЧССР. В учебнике говорится: «Видом осмотра является и опыт, произведенный в целях проверки показаний обвиняемого (подсудимого) или свидетеля (например, в целях установления, мог ли обвиняемый или свидетель, находившись на определенном месте, видеть определенное действие или слышать определенные слова), и реконструкция некоторых обстоятельств дела. Осмотр в таком случае может быть, в связи с обстоятельствами дела, связан с проведением иного действия, например допросом».

Представители второго направления считают следственный эксперимент самостоятельным следственным действием, которое отличается по своему содержанию, задачам и тактике от иных следственных действий³.

¹ См. М. С. Строгович. Уголовный процесс. Госюриздат, 1946, стр. 245—246; его же. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., АН СССР, 1955, стр. 82; его же. Курс советского уголовного процесса. М., АН СССР, 1958, стр. 328; М. А. Чельцов, Н. В. Чельцова. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1954, стр. 73; Р. Д. Рахунов. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1953, стр. 133; И. Н. Якимов. Следственный осмотр. Докторская диссертация. М., 1946, стр. 115—122; А. И. Винберг. Криминалистика, вып. 2. М., ВЮА, 1950, стр. 115; Настольная книга следователя (автор главы П. И. Тарасов-Родионов). Госюриздат, 1949, стр. 368 и др. Некоторые авторы и после регламентации следственного эксперимента в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик отстаивают свою прежнюю точку зрения и считают следственный эксперимент особым видом (способом) осмотра. См. И. М. Гуткин, Ю. Н. Белозеров, Л. А. Мариупольский. Советский уголовный процесс. Госюриздат, 1962, стр. 193; см. также Д. Тальберг. Русское уголовное судопроизводство, т. II. Киев, 1891, стр. 119; Ф. Шторх. Австрийское уголовное судопроизводство, т. II. Прага, 1896, стр. 79 (на чешском языке); Г. Лассер. Руководство по уголовному процессу, т. I. Лейпциг, 1883, стр. 249 (на немецком языке).

² См. Учебник чехословацкого уголовного процесса. Орбис, 1963, стр. 159.

³ См. А. А. Пионтковский. К вопросу о теоретических основах советской криминалистики. «Советская криминалистика на службе следствия», вып. 6, 1955, стр. 3—44; Н. В. Терзиев. Некоторые вопросы следственного осмотра места преступления. М., ВЮЗИ, 1955; В. П. Колмаков, Л. Е. Ароцкер. Следственный эксперимент на предварительном следствии. Харьков, 1949; Г. М. Минь-

Мы присоединяемся к взглядам авторов второй группы, которые считают следственный эксперимент самостоятельным следственным действием. По нашему мнению, специфика экспериментального характера этого следственного действия требует специфических тактических приемов, особой тактики. Автор разделяет точку зрения Я. Пьещака о том, что проведение осуществляемого в практике, но не предусмотренного законом следственного действия применительно к нормам, регламентирующим близкое к нему действие, во-первых, задерживает разработку тактики такого нерегламентированного действия и, во-вторых, не позволяет гарантировать, что будут исключены все незаконные методы (приемы, операции, средства) из следственной практики его проведения². Вопрос о самостоятельности отдельных следственных действий не является, следовательно, вопросом чисто академическим; он имеет свое практическое и теоретическое значение³.

По мнению автора, такие сложные и эффективные следственные действия, каким бесспорно является следственный эксперимент, должны регламентироваться законом (в частности, чехословацким уголовно-процессуальным) в их основных принципах, что обеспечит соблюдение необходимых гарантий объективности при их проведении.

§ 2. ЦЕЛИ И ВИДЫ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Рассмотрение вопроса о целях и видах следственного эксперимента в диссертации начинается с анализа соответствующих позиций Л. Е. Ароцкера, Н. И. Гуковской, П. И. Тарасова-Родионова, Т. Паискр, В. Схулз, С. Калиновски, Р. С. Белкина и других авторов.

О конечной цели эксперимента, общей всем следственным действиям, то есть установлении объективной истины по конкретному

ковский. Пределы доказывания в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1956; Н. И. Гуковская. Следственный эксперимент. Госюриздат, 1958; М. М. Выдря. Вещественные доказательства в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1955; Р. С. Белкин. Теория и практика следственного эксперимента. М., ВШ МВД СССР, 1959; его же. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. «Юридическая литература», 1964; его же. Собрание, исследование и оценка доказательств. М., «Наука», 1966. Из числа иных зарубежных авторов см. В. Гутекунст. Криминалистика. Варшава, 1965; В. Шульц. Исследование обстоятельств убийств (на немецком языке). Берлин, 1964, стр. 134—139; Беноне Манчу. Следственный эксперимент. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1964; И. Вакарелский. Следственный эксперимент. «Социалистичке право», № 3, 1955; И. Ржига. Следственный опыт и акустическое испытание. «Криминалистический сборник», № 8. Прага, 1965; Т. Пайскр. Следственный опыт. «Криминалистический сборник», № 4. Прага, 1964, и др.

² См. Я. Пьещак. Указанная работа, стр. 109.

³ См. А. Н. Васильев и С. С. Степичев. Воспроизведение показаний на месте при расследовании преступлений. М., 1959, стр. 10.

делу, в литературе нет спора. Несколько иначе обстоит дело с суждениями об отдельных частных целях следственного эксперимента. Здесь уже взгляды отдельных авторов несколько расходятся. Причина таких расхождений заключается, помимо прочего, в том, что смешивается сущность следственного эксперимента как процессуальной формы применения одного из методов познания и доказывания объективной истины в уголовном судопроизводстве с самой возможностью использования экспериментального метода в уголовном судопроизводстве.

Дискуссионными остаются такие цели эксперимента, как получение новых доказательств¹, проверка версий², иллюстрация доказательств наряду с их проверкой³.

В криминалистической и процессуальной литературе нет единообразия взглядов по вопросу о том, может ли следственный эксперимент служить средством получения новых доказательств. Например, М. А. Чельцов, когда говорит о пределах доказывания в уголовном процессе, утверждает, что эти пределы определяются, с одной стороны, фактами, имеющими отношение к делу, а с другой — фактами, которые он называет «вспомогательными», то есть такими, которые сами по себе не подтверждают и не опровергают предмета доказывания, а имеют значение лишь для проверки и оценки отдельных доказательственных фактов. ✕ этой категории фактов М. А. Чельцов относит и результаты следственного и судебного экспериментов.

Преобладают, однако, взгляды, что следственный эксперимент является способом получения новых доказательств. Эту точку зрения отстаивают и убедительно обосновывают ряд авторов, в частности Л. Е. Ароцкер, Р. С. Белкин, Н. И. Гуковская, М. М. Гродзинский, В. П. Колмаков, С. Калиновски и др.

Автор разделяет точку зрения вышеуказанных авторов и не согласен со взглядами М. А. Чельцова и его сторонников.

Проверка отдельных доказательств является процессуальной деятельностью, которую, по мнению автора, нельзя отделить от процесса доказывания, потому что именно посредством этой процессуальной деятельности следователь получает **новые доказательства**, подтверждающие или опровергающие имеющиеся доказательства по делу. Такая деятельность является неизбежно составной частью процесса доказывания.

Нельзя, следовательно, результаты следственного эксперимента рассматривать как вспомогательные факты, которые сами по

¹ См. М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., 1962, стр. 130. Эту точку зрения отстаивал в своих ранних работах и С. А. Голунский (см. его работу «О вероятности и достоверности в уголовном суде». «Проблемы уголовной политики», изд. IV, 1927, стр. 61).

² См. Н. И. Гуковская. Теория и практика следственного эксперимента на предварительном следствии. Кандидатская диссертация. М., 1958, стр. 61.

³ См. Р. С. Белкин. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. «Юридическая литература», 1964, стр. 47—48.

себе не проверяют и не подтверждают предмет доказывания. Например, экспериментом установлено, что факт, содержащийся в показаниях свидетеля, **не мог случиться в условиях, о которых говорит свидетель**. В данном случае речь идет не о вспомогательном факте, служащем проверке и оценке доказательства; установление указанного факта само является доказательством по делу.

Было бы нелогичным, по мнению автора, с одной стороны, считать следственный эксперимент процессуальным действием, а с другой — утверждать, что он не является средством или способом получения новых доказательств. Результаты следственного эксперимента, как правило, позволяют судить о возможности существования определенного факта, явления, обстоятельства. Установление возможности или невозможности существования определенного факта является **новым обстоятельством** (фактом), отвечающим объективной реальности.

Все следственные действия являются способом получения доказательств об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Даже если бы следственный эксперимент и не являлся бы самостоятельным следственным действием, а был бы разновидностью иного следственного действия (например осмотра, как считают авторы чехословацкого учебника уголовного процесса для вузов), то и в этом случае он служил бы целям получения доказательств. Этот вопрос в диссертации рассматривается подробно в связи со взглядами на следственный эксперимент в чехословацкой юридической литературе и отсутствием его законодательной регламентации.

Что касается проверки версий как цели следственного эксперимента, то с возражениями против этого положения можно встретиться у Н. И. Гуковской. В своей кандидатской диссертации (в отличие от опубликованной ею ранее работы) она утверждает, что проверку версий как цель следственного эксперимента не следует слишком подчеркивать¹. По ее мнению, все следственные действия, целью которых является собирание и проверка доказательств, являются в то же время и средством проверки версий и предположений следователя. Кроме того, она не считает необходимым отличать проверку версий от проверки доказательств. Она исходит из того, что версии выдвигаются следователем тоже на основе каких-то доказательств, каких-то сведений, полученных в процессе расследования. По ее мнению, проверка версий по существу всегда сводится к проверке существующих доказательств. Поэтому она не считает необходимым выделять проверку версий в самостоятельную категорию как цель следственного эксперимента.

Изложенные взгляды Н. И. Гуковской вызывают сомнения.

Бесспорно, что следственные версии выдвигаются на основе анализа всего собранного материала по делу и касаются тех фактов, о которых есть основание предполагать, что они могут иметь опре-

¹ См. Н. И. Гуковская. Теория и практика следственного эксперимента на предварительном следствии. Кандидатская диссертация. М., 1958, стр. 61.

деленное отношение к расследуемому событию¹. Однако надо отметить, что существование отдельных фактов и их причинной связи (отношение причины и следствия) является в ряде случаев более или менее правдоподобным, их существование, помимо установленных доказательств (если они имеются), предполагается на основе дедуктивных суждений, суждений по аналогии и т. д. Круг этих фактов бывает, как правило, широким. Это ведет на практике к выдвижению нескольких реально возможных версий. Посредством проверки выводимых из них следствий (объективно необходимых в случае правильности выдвинутой версии) последовательно отвергается несколько версий и остается одна версия или отвергаются все версии и выдвигаются новые.

При проверке следственных версий путем следственного эксперимента проверяются не отдельные доказательства, которые находятся в распоряжении следователя и не комплекс доказательств. Проверяются обоснованные предположения (которые лежат в основе следственных версий) следователя, возникшие на основе доказательств, иных фактов, практики и в некоторых случаях на базе оперативных материалов.

Целью следственного эксперимента при проверке версий является их подтверждение или опровержение. Предметом проверки являются следствия, которые должны объективно существовать в случае правильности следственной версии.

Автор разделяет мнение о том, что проверка доказательства или комплекса доказательств, не тождественна проверке версии потому, что между доказательством и версией нельзя ставить знак равенства. Содержание версии может быть шире, чем доказательства, на основе которых она выдвигалась, иначе бы версия не играла настолько важную роль в процессе расследования преступлений.

Об иллюстрации доказательств как цели следственного эксперимента упоминается в работе Р. С. Белкина². Свой взгляд на эту цель следственного эксперимента он обосновывает тем, что иногда в процессе расследования наряду с проверкой доказательств возникает необходимость обеспечить суду наглядность собранного доказательственного материала. Р. С. Белкин приводит пример, когда преступник пользовался новым способом совершения преступления. Об этом способе преступник дал показания на допросе. Только из самого протокола бывает трудно представить себе этот способ; кроме того, естественно, возникают сомнения в правдивости пока-

¹ Подробнее см. Я. Пьешак. Следственные версии. ЧСАВ, Прага, 1965, стр. 165.

² См. Р. С. Белкин. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М., 1964, стр. 47—48. В одной из своих последних работ Р. С. Белкин называет целью следственного эксперимента исследование и оценку доказательств вместо проверки и иллюстрации доказательств. Модификацию своих предыдущих взглядов по этому вопросу он обосновывает (см. Р. С. Белкин. Собрание, исследование и оценка доказательств. М., 1966, стр. 233).

заний. Следовательно, по мнению Р. С. Белкина, может экспериментальным путем повторить описанные преступником действия и зафиксировать это в протоколе и при помощи фотоснимков. Протокол и фотоснимки наглядно продемонстрируют всю деятельность и будут служить не только средством фиксации проверки доказательств, но и иллюстрацией, помогающей суду получить представление об обстоятельствах дела.

Изложенное обоснование такой цели следственного эксперимента, как иллюстрация доказательств, по нашему мнению, недостаточно убедительно. Если из самого только протокола, как указывает Р. С. Белкин, трудно представить себе способ совершения преступления, то это свидетельствует о недостаточной полноте или о неудачных формулировках протокола. В таком случае возникает необходимость найти иные средства доказывания. Таким средством может стать, например, документация реконструкции действий, описываемых в показаниях, и документация проведения следственного эксперимента и его результатов. Применительно к этим следственным действиям (Р. С. Белкин не считает реконструкцию следственным действием) фотосъемка наряду с протоколированием является самым распространенным средством фиксации (при реконструкции же фотосъемка вообще применяется всегда).

Если в ходе процессуальной деятельности применяются иные кроме протокола, средства запечатления и передачи информации о познаваемой действительности, как, например, планы, схемы, фотоснимки, грампластинки, магнитофонные записи, то они служат той же цели, что и протокол, то есть познанию действительности, которая является предметом доказывания. Не является, по мнению автора, решающим, считаются ли эти средства главными или вспомогательными. Важно, что они служат одной цели: познанию действительности органами правосудия, а не ее иллюстрации. Кинофильмом, например, может быть иллюстрирована действительность уже познанная, когда не возникает сомнений в правильности, скажем, показаний, а иллюстрация служит только наглядной (образной) демонстрацией описанной, познанной действительности. При этом, по мнению автора, иллюстрация не решает задачи помочь суду уяснить обстоятельства дела, а служит демонстрацией уже познанного обстоятельства.

Проведение следственного действия, целью которого являлась бы только иллюстрация собранных доказательств, должно быть на практике лишь исключением. В некоторых же случаях, особенно при расследовании насильственных деликтов, такая иллюстрация является иногда ненужным драматизирующим элементом, который с психологической точки зрения может негативно повлиять на решение дела, например на решение о мере и виде наказания. Поэтому автор считает иллюстрацию собранных доказательств исключением при производстве следственного эксперимента и не относит ее к его целям.

Далее в этом параграфе говорится о видах следственного эксперимента.

В криминалистической литературе можно встретиться с разными взглядами на классификацию видов следственного эксперимента. Некоторые авторы пытаются дать какой-то перечень или указание случаев возможности использования следственного эксперимента на практике. Так, например, приводятся такие виды, как эксперименты по установлению возможности видеть, слышать, совершить определенные действия вообще, в данных условиях или за определенный промежуток времени, проникнуть через определенное отверстие, по установлению позы стреляющего, потерпевшего, по установлению профессиональных навыков определенного лица, установлению места определенных действий, способа совершения действия и т. п.¹ Высказывается мнение, что можно различать эксперименты по лицам и учреждениям, которые их производят (следователь или суд)².

1805. Почти все авторы указывают, что никакие перечисления не исчерпывают всех возможных случаев, когда эксперимент может оказать пользу следствию. По-видимому, все они чувствуют слабые места своих «классификаций». Подобные классификации не отвечают требованиям, предъявляемым к научным классификациям, и не могут даже претендовать на относительно полное перечисление случаев использования следственного эксперимента. Разнообразие и индивидуальность отдельных преступлений, изменение видов и способов совершения преступлений могут вызвать необходимость экспериментальной проверки разных обстоятельств, которые с достаточной полнотой трудно и предвидеть. То, что указанные авторы считают видами следственного эксперимента, является в действительности су́бо примерным перечнем случаев использования следственного эксперимента в практике.

Классификация видов следственного эксперимента как формы экспериментального метода исследования объективной реальности в процессе расследования должна отражать те отношения, которые посредством него исследуются, и их содержание. В процессе расследования преступлений речь идет прежде всего об отношении между преступником и потерпевшим, преступником и предметом преступления, свидетелем и исследуемым событием и т. д. — вообще между конкретной человеческой деятельностью, осуществляемой в данный момент, на данном месте, в данных конкретных усло-

¹ См., например, Н. И. Гуковская. Следственный эксперимент. М., 1958, стр. 53; Л. Е. Ароцкер. Следственный эксперимент в советской криминалистике. Кандидатская диссертация. Харьков, 1951, стр. 101; П. И. Тарасов-Родионов. Настольная книга следователя. М., 1949, стр. 379; В. П. Колмаков. Тактика производства следственного осмотра и следственного эксперимента. Харьков, 1956, стр. 41; В. Гутекунст. Криминалистика. Варшава, 1965, стр. 219.

² См. Беноне Манчу. Следственный эксперимент (теория и практика). Автореферат кандидатской диссертации. М., 1966, стр. 12.

виях, и объективно необходимыми последствиями этой деятельности.

С логической точки зрения целью классификации является создание упорядоченной системы понятий в определенной области и распределение тем самым предметов, отнесенных к ней, так, чтобы получить представление о всей области. Правильно построенная классификация является многостепенным делением понятий. Научное значение и характер классификации зависят от правильного определения оснований для классификации¹. С этой точки зрения названные «виды» следственного эксперимента не являются действительными видами, потому что их перечисление не является исчерпывающим и, следовательно, не дает представления о всей области (проблематике) следственного эксперимента.

С позиции логической классификации подходил, по мнению автора, к формированию своих взглядов на классификацию видов следственного эксперимента Р. С. Белкин. Рекомендуемая им классификация является, как нам кажется, классификацией типов следственного эксперимента, причем каждый тип характеризуется подобием решаемых проблем (возможность восприятия, существования или несуществования фактов, явлений — в данных условиях, в связи с объективно существующими последствиями и т. д.).

Рекомендую Р. С. Белкиным классификацию типов следственного эксперимента автор считает удовлетворительной потому, что она дает полное представление о возможностях использования следственного эксперимента. Дальнейшее деление в рамках отдельных типов мы не считаем целесообразным, имея в виду широкий диапазон возможных вариантов эксперимента каждого типа. Так, например, применительно к типу «эксперимент по установлению возможности наблюдения, восприятия какого-либо факта, явления» речь может идти об установлении возможности видеть, слышать, осязать; наблюдать простым глазом, вооруженным глазом и т. д. Типы, рекомендуемые Р. С. Белкиным, отвечают современному уровню познания проблематики следственного эксперимента, поэтому автор считает такое определение типов следственного эксперимента правильным и удобным.

§ 3. ЗНАЧЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ И СУБЪЕКТИВНЫХ СВОЙСТВ УЧАСТНИКОВ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

При решении вопросов тактики производства следственного эксперимента сравнительно небольшое внимание в криминалистической литературе уделяется значению психологических факторов и субъективных свойств его участников и их влиянию на проведе-

¹ См. О. Вейнберг, О. Зих. Логика. Прага, СПН, 1965, стр. 138—139; Бела Фогараш. Логика (перевод с немецкого). М., ИЛ, 1959, стр. 165—166.

ние следственного эксперимента, особенно на его результаты. Лишь некоторые авторы придают этим вопросам известное значение¹.

Однако в данном случае речь идет о принципиальных проблемах, которые влияют на тактику проведения следственного эксперимента и тем самым на достоверность его результатов. Не учесть влияния психологических факторов и субъективных свойств участников на проведение эксперимента, значит не соблюсти одного из объективно необходимых условий экспериментирования — условия обеспечения максимального сходства ситуации эксперимента с ситуацией исследуемого события, условия, которое во многих случаях обеспечивает объективность эксперимента и его результатов.

В этом параграфе уделяется внимание таким вопросам, как влияние воздействия экспериментатора (следователя) на участников следственного эксперимента, влияние обстановки следственного эксперимента на его участников, влияние информации на деятельность участников эксперимента, влияние психического и физического здоровья и состояния участников эксперимента.

Во взаимоотношении между экспериментатором и другими участниками эксперимента в течение эксперимента могут возникать разные осложнения. Эти осложнения заключаются в том, что вследствие воздействия экспериментатора (следователя) на участников эксперимента их деятельность будет отличаться от подлинной, исследуемой деятельности. При следственном эксперименте, в отличие от некоторых иных экспериментов (например, педагогического), содержанием которых является главным образом исследование реакций участников опытов на действия экспериментатора, необходимо добиться максимального ослабления непосредственного воздействия экспериментатора (следователя, дознавателя), создающего опасность создания обстановки, не сходной с подлинной исследуемой обстановкой, когда такого воздействия не было.

Трудность заключается в том, что каждый эксперимент в своей сущности содержит непосредственное или опосредствованное воздействие экспериментатора на участников следственного эксперимента. Совсем исключить это воздействие невозможно. Ослабить его влияние на течение и результаты следственного эксперимента можно, по мнению автора, в основном двумя способами:

а) такой организацией следственного эксперимента, которая обеспечит знание своих задач участниками опытов и, следовательно, самостоятельность их действий, что сделает излишним непосредственное вмешательство в ход опыта следователя, который сможет ограничиться только знаком, сигналом к началу эксперимента; организацией, которая в случае, когда это возможно, позволит до-

¹ См. Р. С. Белкин. Теория и практика следственного эксперимента. М., 1959, стр. 59, 75—78; его же. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М., 1964, стр. 73—77; А. Р. Ратинов. Судебная психология для следователей. М., 1967, стр. 264—272; Л. Е. Ароцкер. Следственный эксперимент в советской криминалистике. Кандидатская диссертация. Харьков, 1951, стр. 84.

биться того, чтобы сама экспериментальная ситуация вызвала у участников эксперимента реакции, являющиеся предметом исследования. Для этого могут быть использованы естественные условия (транспортного движения, производительной деятельности и т. д.), если воздействие этих условий, в которых случилось событие, является предметом экспериментального исследования;

б) путем правильного учета влияния воздействия следователя на сходство условий проведения эксперимента с условиями исследуемого события и на его результаты. Этого можно добиться сопоставлением условий проведения эксперимента с ситуацией, которая сложилась в период совершения преступления. Однако возможности моделирования сходных состояний весьма ограничены.

Наряду с влиянием воздействия экспериментатора на участников следственного эксперимента имеет значение вопрос о воздействии обстановки следственного эксперимента на его участников, включая самого экспериментатора (следователя, дознавателя). Этому вопросу в криминалистической литературе почти не уделяется внимания.

Прежде всего речь идет об **особенном значении** этой ситуации, которая касается и воздействует на каждого из участников эксперимента по-разному. Например, если эксперимент проводится на подлинном месте, эта обстановка воздействует на обвиняемого уже тем, что перед его взором вновь возникает картина (или ее часть) события, что вызывает в нем состояние эмоционального напряжения, которое с психологической точки зрения будет отличаться от его состояния в момент исследуемого события. Это может повлиять на его поведение в ходе эксперимента.

Обстановка эксперимента может оказать в определенной мере аналогичное влияние и на потерпевшего. Ситуация в нем вызовет эмоции негативного характера, живые воспоминания о пережитом страдании, унижении, нанесенном вреде и т. п. Присутствие обвиняемого (преступника) может у потерпевшего вызвать гнев, ненависть, презрение и страх, что может повлиять на ход эксперимента, а также на поведение обвиняемого, его действия при эксперименте. Аналогичная психологическая ситуация может возникнуть и в отношении свидетелей.

Что касается иных участников эксперимента (вспомогательных лиц), то особая значимость ситуации эксперимента, факт, что они станут свидетелями деятельности (ее части), которая является предметом следствия, присутствие посторонних лиц, следователя, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля и т. д. могут вызвать у них нервное состояние, напряжение, неуверенность, застенчивость, которые могут повлиять на других участников опыта и отразиться на выполнении их заданий в ходе эксперимента.

В этой связи А. Р. Ратинов¹ правильно отмечает, что застенчи-

¹ См. А. Р. Ратинов. Судебная психология для следователей. М., 1967, стр. 28.

вость у одних лиц влияет на моторику, делая их движения угловатыми, некоординированными, у других — на интеллектуальные функции, снижая внимание, память, мышление. В подобных случаях у участников эксперимента появляется тенденция заведомо контролировать каждое свое движение, поведение, словесное выступление и т. п. Думая о том, как он выполняет те или иные хорошо освоенные операции, человек утрачивает легкость исполнения. При этом даже самые привычные и полностью автоматизированные виды деятельности (например, ходьба) существенно затрудняются, становятся менее совершенными, происходит деавтоматизация навыков.

Ситуация эксперимента может оказать влияние и на самого экспериментатора (следователя, дознавателя). Безусловно, влияние этой ситуации на него меньше, чем на иных участников, благодаря его профессиональному опыту, профессиональным навыкам, сравнительно быстрой адаптации к данной ситуации. На опытного работника ситуация эксперимента повлияет слабее, чем на малоопытного, с недостаточными организационными способностями, менее решительного.

Из сказанного можно сделать вывод, что ситуация следственного эксперимента, с психологической точки зрения, может негативно повлиять на его участников и тем самым на его проведение, включая и его результаты. Обеспечение объективности проведения следственного эксперимента и объективности его результатов требует мероприятий, способных ограничить это негативное влияние. При подобных ситуациях необходимо, насколько это возможно в условиях следственного действия, сделать обстановку менее напряженной, менее нервной.

При учете психологических факторов и их влияния на проведение и результаты следственного эксперимента следует иметь в виду большую роль **осведомленности** его участников. Вопросам информации участников следственного эксперимента уделяют внимание разные авторы, но с разных точек зрения.

В этой проблематике центральным является вопрос о том, в каком объеме должны быть ознакомлены участники эксперимента с **содержанием опытов**.

По мнению одних авторов, участников эксперимента надо ознакомить с содержанием опытов в таком объеме, который необходим, чтобы данные лица могли участвовать в проведении эксперимента. Они считают этот вопрос более тактическим, чем организационным и при решении этого вопроса рекомендуют руководствоваться тем, какое значение для результатов эксперимента имеет значение того, что будет демонстрироваться в присутствии этих лиц, или с их участием, или знание, когда это произойдет.

Аналогичную позицию по вопросам информации участников следственного эксперимента занимает А. Р. Ратинов. Свои взгляды

он обосновывает тем, что в отличие от произвольного внимания случайного очевидца внимание участников эксперимента будет волевым усилием сосредоточено на ожидаемом факте, благодаря чему они могут заметить то, что при других обстоятельствах не было бы воспринято. На основе этого он делает вывод о необходимости организовать эксперимент и инструктировать его участников так, чтобы их психическое состояние было по возможности близким к состоянию участников проверяемого события. По его мнению, в необходимых случаях вполне оправданным является использование инструктажа — легенды, а также нескольких инструктажей для разных участников эксперимента, сокрытие от некоторых из них отдельных деталей проводимого следственного действия. Все эти приемы в целях контроля должны быть затем отражены в протоколе.

Диссертант разделяет взгляды указанных авторов, отмечает, что информирование участников эксперимента следует проводить дифференцированно, в зависимости от их положения, функций и задач, в зависимости от содержания отдельных опытов, результаты которых ими должны быть восприняты.

При решении вопроса об объеме информации участников следственного эксперимента можно, по мнению автора, исходить из следующих требований:

а) необходимо обеспечить условия, при которых произошло восприятие подлинного явления, факта, обстоятельства, если они достаточно точно установлены при помощи иных следственных действий или если о них можно судить на основе анализа всех установленных фактов по делу;

б) необходимо ограничивать целевое назначение и содержание информации возможным минимумом в соответствии с процессуальным положением данного лица (**требование процессуальное**) либо с задачами эксперимента, определяющими, что должен знать участник эксперимента, чтобы выполнять порученные задания (**требование тактическое**);

в) в связи со сравнительно ненадежной возможностью установления психического состояния участников эксперимента и его сравнения с психическим состоянием участников исследуемого события, в случаях, которые позволяют провести эксперимент без информации его участников о **предстоящих опытах** и их **содержании**, следует избегать сообщения им подобной информации¹.

¹ О возможности проведения эксперимента без информации некоторых его участников упоминается в работах Н. И. Гуковской и И. Ржига (см. Н. И. Гуковская. Следственный эксперимент. М., 1958, стр. 27; И. Ржига. Следственный эксперимент и акустическое испытание. «Криминалистический сборник», № 8. Прага, 1965, стр. 478).

Определенный интерес представляет и вопрос о влиянии опыта и профессиональных навыков участников эксперимента на его проведение и результаты.

Из общей психологии известно, что внимание может быть произвольным или произвольным в зависимости от внимательности, которая в нем проявляется. Внимание является смысловым отражением предмета или явления объективной действительности. При этом речь идет о познании предмета, выделенного субъектом из окружающей среды¹. Возможность внимания предполагает у субъекта способность не только реагировать на смысловое побуждение, но и адекватно познавать смысловое качество как свойство определенного предмета. Внимание, таким образом, предполагает у субъекта определенную направленность деятельности. Внимание не только связано с деятельностью, но оно представляет собой специфическую познавательную деятельность. Однако внимание нельзя при этом рассматривать как всего лишь совокупность ощущений. В каждое восприятие включается и репродуцированный бывший опыт, мышление воспринимающего и в определенной мере его чувства и эмоции. Знания, опыт, практика наблюдателя, приобретенные либо в процессе профессиональной деятельности, либо под влиянием интереса или увлечений, представляют собой существенный фактор, влияющий на способность воспринимать определенное явление. Следовательно, для достижения сходства условий подлинного и экспериментального событий, при выборе участников эксперимента следует учитывать влияние опыта и профессиональных навыков на полноту и количество восприятий.

Без внимания нельзя оставить и вопрос о физическом и психическом здоровье и его влиянии на полноту, качество внимания и деятельность участников при проведении эксперимента. Имеется в виду влияние этих обстоятельств. На полноту и качество восприятий как в течение исследуемого события, так и в течение эксперимента, влияет психическое и физическое здоровье участников опыта. Речь идет как о временном состоянии (временное заболевание, состояние депрессии, например, у потерпевшего), так и об относительно постоянном состоянии (например, остроте слуха и зрения).

Что касается временного состояния, то его, по-видимому, невозможно повторить при эксперименте. В этом случае речь пойдет, следовательно, об учете при оценке результатов следственного эксперимента влияния этого состояния на полноту и качество внимания. В другом случае — при относительно постоянном состоянии, когда возникнут сомнения в нормальном функционировании органов чувств, очевидно, будет необходимо установление при помощи судебно-медицинской экспертизы действительного состояния этих органов у определенных лиц. При этом на практике могут возникнуть в основном две ситуации: а) лицо, у которого была установ-

¹ См. С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии (перевод с чешского). Прага, СПН, 1967, стр. 267.

лено расстройство органов чувств, согласится участвовать в эксперименте; б) такое лицо не согласится участвовать в эксперименте.

Автор считает, что если предметом экспериментальной проверки является обстоятельство, прямо зависящее от субъективных свойств конкретных лиц, их участие в эксперименте неизбежно. Нельзя, например, провести эксперимент по установлению возможности слышать или видеть с заменяющими лицами, органы чувств которых нормальны, если лица, показания которых проверяются, страдают расстройством этих органов. При несогласии этих лиц принять участие в опыте, очевидно, необходимо отказаться от проведения эксперимента. Исключением является проведение эксперимента с заменяющими лицами, у которых органы чувств нормальны, тогда как у лиц, показания которых должны проверяться, установлено расстройство этих органов, лишь тогда, когда возникли обоснованные сомнения в правдивости показаний последних, и можно предполагать, что результаты эксперимента будут «негативными». Если, например, лицо с нормальными органами чувств в данных условиях не видело или не слышало экспериментального явления, а свидетель, у которого установлено расстройство этих органов, утверждает, что видел или слышал аналогичное явление в момент расследуемого события, то можно считать, по мнению автора, результаты эксперимента объективными и вывести из них достоверные выводы о том, что свидетель не видел или не слышал, то есть показания не отвечают действительности.

§ 4. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПО УПК ЧССР

Как было уже отмечено, в действующем чехословацком законодательстве следственный эксперимент даже не упоминается. Теория уголовно-процессуального права считает эксперимент видом осмотра в смысле § 113 УПК ЧССР. Поэтому, исходя из существующего положения, необходимо, на наш взгляд, пользоваться при проведении следственного эксперимента прежде всего аналогией положений абз. 1, 2 § 113 и § 55, 56 УПК ЧССР о протоколировании следственных действий.

В первом параграфе настоящей главы автор стремился показать и обосновать существенные отличия следственного эксперимента от осмотра. Из этих различий вытекает, что процессуальный порядок проведения следственного эксперимента следует определять, хотя бы не только по аналогии с порядком осмотра, но и с правовой регламентацией других следственных действий.

В первом параграфе второй главы настоящей работы обосновывается необходимость участия понятых при проведении эксперимента. В данном случае необходимо пользоваться аналогией с положением абз. 2 § 85 УПК, регламентирующего проведение обыска. В этом параграфе указывается, что к проведению домашнего и лич

ного обыска надо привлечь лицо, не заинтересованное в исходе дела. Присутствие при обыске такого лица является одной из процессуальных гарантий законности; это своеобразный свидетель действий следователя. Присутствие такого лица, не заинтересованного в исходе дела, представляется особенно важным при следственном эксперименте. Такое лицо должно быть информировано о содержании опытов в полном объеме, чтобы оно могло следить за всем порядком и последовательностью проведения эксперимента, результатами отдельных опытов, условиями, в которых опыты проводятся. Только при этом суд, в случае необходимости, путем допроса лица, не заинтересованного в исходе дела, сможет проверить обстоятельства проведения эксперимента и его результаты, проверить сходство условий и объективность проведения опытов без повторения самого эксперимента. Правового положения такого лица, не заинтересованного в исходе дела, автор касается в первом параграфе второй главы настоящей работы.

Довольно сложным (с точки зрения применения аналогии) является вопрос о привлечении специалиста-консультанта при решении разных проблем, связанных с обеспечением объективности условий эксперимента и получением достоверных результатов.

По мнению автора, участие таких лиц, от которых не требуется экспертного заключения, нельзя обосновывать положением §113 УПК, регламентирующего осмотр, где упоминается о привлечении эксперта, а следует выводить из положения абз. 2 § 85 УПК (о привлечении к осмотру лица, не заинтересованного в исходе дела) и § 56 УПК, регламентирующего подписание протокола, где упоминается о лице, привлеченном к участию в следственном действии. В обоих случаях закон имеет в виду лицо, которое выступает в качестве свидетеля **не по делу**, а в качестве свидетеля **проведения и подтверждения результатов процессуального действия**. Специалист-консультант может стать в случае необходимости квалифицированным свидетелем: он может дать показания как о течении и результатах, так и о методике проведения эксперимента. Нельзя, по мнению автора, отождествлять привлечение специалиста-консультанта, играющего роль более или менее специального советника, с привлечением эксперта в процессуальном смысле. Закон, к сожалению, этот важный вопрос не регламентирует. Участие специалиста-консультанта осуществляется на основе добровольности.

Законоположением § 56 и абз. 2 § 85 УПК надо, по мнению автора, пользоваться и при решении вопроса о привлечении иных лиц, которые должны участвовать в следственном эксперименте. Речь идет о лицах, заменяющих (дублирующих) в эксперименте, например, свидетеля, обвиняемого, и других лицах, которых можно назвать вспомогательными участниками эксперимента. В данном случае надо принять во внимание в субсидарном порядке и положения § 27—29 УПК. Этим лиц (**протоколист, переводчик**) закон называет **вспомогательными лицами**.

Лица, которых при производстве эксперимента мы называем вспомогательными лицами, выполняют иные задачи, нежели вспомогательные лица (протоколист, переводчик), упоминаемые в § 27 и 28 УПК, но их отношение к делу должно быть такое же, то есть эти лица должны быть **не заинтересованными в исходе дела**. Участие этих лиц осуществляется также на основе добровольности.

При решении вопроса об участии в эксперименте обвиняемых и свидетелей-очевидцев (имеется в виду их активное участие) автор придерживается позиции ряда криминалистов, которые считают такое участие исключительно добровольным. Что касается обвиняемого, эта позиция обоснована принципом презумпции невиновности, вследствие которого обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность¹.

При решении этого вопроса относительно свидетеля надо руководствоваться положениями § 97—103 УПК. В § 97 УПК говорится, что каждый обязан по вызову явиться и давать показания в качестве свидетеля о том, что ему известно о преступлении и о преступнике или об обстоятельствах, имеющих значение для дела. Исходя из указанного, не представляет трудности обеспечить **присутствие свидетеля** при производстве следственного эксперимента. Однако деятельность свидетеля при эксперименте существенно отличается от дачи показаний на допросе, следовательно, от деятельности, к которой свидетеля обязывает закон. Из сказанного следует, что активное участие свидетеля в эксперименте может быть только добровольным.

При протоколировании эксперимента, при соблюдении гарантий правильности и полноты надо руководствоваться законоположениями § 55 (составление протокола), § 56 (подписание протокола), § 95 (порядок протоколирования), § 113 УПК (цель осмотра и протокол о нем). Характер следственного эксперимента не позволяет, чтобы протокол о нем лишь «кратко и метко» описывал его проведение (абз. 1 § 51). Поэтому относительно содержания протокола надо руководствоваться положением абз. 2 § 113, который указывает, что протокол осмотра должен отражать полную и верную картину предмета осмотра. Использование фотоснимков, планов, схем и т. п. как средств фиксации хода и результатов опытов регламентируется положением абз. 2 § 113 УПК.

Предложения регламентировать порядок следственного эксперимента, пользуясь аналогией с рядом положений действующего УПК, можно считать лишь временным решением вопроса *de lege lata*. В качестве предложения *de lege ferenda* автор рекомендует следующую формулировку положения УПК:

«В случае возникновения необходимости проверки или уточнения хода и результатов определенного события, имеющего значение

¹ См., например, ст. 14 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик.

для дела, установления, могло ли это событие произойти в определенных условиях и определенным образом, может быть проведен следственный эксперимент при обстоятельствах и обстановке, сходных с теми, в которых произошло проверяемое событие.

К проведению следственного эксперимента привлекаются лица, не заинтересованные в исходе дела, а в случае необходимости и другие вспомогательные лица. К участию в эксперименте могут привлекаться обвиняемый, потерпевший и свидетель.

К проведению следственного эксперимента, как правило, привлекается специалист.

Протокол следственного эксперимента должен содержать подробное описание условий его проведения, опытных действий и полученных результатов. К протоколу прилагаются фотоснимки, киноленты, чертежи, планы и другие материалы».

Глава II

ПОРЯДОК И ТАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

§ 1. УЧАСТНИКИ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Уголовно-процессуальный закон ЧССР не содержит никакой нормы, определяющей, кто должен быть субъектом следственного действия. При решении этого вопроса автор придерживается взглядов, изложенных в учебнике чехословацкого уголовного судопроизводства¹, где под понятием субъектов уголовного судопроизводства понимаются лица, оказывающие влияние на производство по делу и имеющие в связи с этим по закону определенные процессуальные обязанности.

При этом, разумеется, субъекты уголовного судопроизводства не отождествляются с субъектами определенного следственного действия. Право быть субъектом конкретного следственного действия предоставляется законом дифференцированно в зависимости от положения субъекта (прокурора, следователя, защитника, обвиняемого и т. д.) в уголовном судопроизводстве.

Поэтому при определении субъектов следственного эксперимента автор руководствуется прежде всего абз. 1 § 12 УПК и факультативно тем же параграфом абз. 5².

Субъектами следственного эксперимента в соответствии с указанными законоположениями являются: следователь (дознатель), прокурор, защитник, а факультативно также и лицо, против которого ведется уголовное судопроизводство (обвиняемый, подсудимый), потерпевший, а в случае необходимости причастное лицо (§ 42 УПК). Факультативным является также участие в эксперименте свидетелей — очевидцев, понятых, специалистов, вспомогательных лиц. Вопрос об их участии решается, исходя из конкрет-

¹ См. В. Солнарж и др. Чехословацкое уголовное судопроизводство. Учебник. Прага, 1963, стр. 58.

² В § 12 УПК толкуется, кого следует понимать под органом уголовного судопроизводства (абз. 1) и кто является его стороной (абз. 5). Органами, действующими в уголовном судопроизводстве, считаются суд, прокурор, следователь и дознаватель. Стороной считается тот, против кого ведется уголовное преследование, причастное к нему лицо и потерпевший, а в судебном разбирательстве и прокурор, гражданский обвинитель, гражданский защитник; одинаковым с ними положением пользуется и иное лицо, по ходатайству которого ведется производство, или лицо, от которого поступили жалоба или протест.

ных обстоятельств, и зависит, таким образом, не от процессуальных, а от тактических соображений.

Особенно важную, руководящую роль при проведении эксперимента играет следователь. Следствие, если оно базируется на научных принципах организации труда, является монолитным процессом, управляемым одним лицом — следователем. В его деятельности отчетливо различимы функции руководителя. Он определяет задачи, вытекающие из конкретных целей следствия, и избирает оптимальный способ и условия их решения.

Из сказанного вытекает, что следователь планирует, организует эксперимент и управляет им, то есть обеспечивает его подготовку, ставит конкретные задачи участникам и вспомогательным техническим работникам, проверяет деятельность всех участников, непосредственно наблюдает за отдельными опытами, дает распоряжения о фиксации отдельных стадий при помощи технических средств (например, фотографирование, киносъемка), протоколирует следственный эксперимент, оценивает его результаты и т. п.

Автор считает, что, руководствуясь сказанным о роли следователя, следует подходить и к решению вопроса об участии прокурора в эксперименте. Прокурор имеет право давать обязательные распоряжения по поводу проведения любого следственного действия по делу, следовательно и эксперимента, принимать участие в эксперименте или провести его лично. Однако такие решения прокурора, по мнению автора, должны приниматься перед проведением эксперимента, но не в процессе его проведения.

По мнению автора, с тактической точки зрения неправильно, если прокурор в ходе эксперимента вмешивается в него и тем самым нарушает организацию работы следователя, или при оценке результатов эксперимента навязывает свои взгляды. Такой образ действий прокурора не вытекает и из текста закона (абз. 2 § 174 УПК), который имеет в виду прежде всего обеспечение гарантий законности процессуальных действий, что невозможно при нарушении принципа единого руководства проведением следственного эксперимента.

Единое руководство проведением следственного эксперимента надо обеспечивать и в случаях, когда следствие поручено бригаде следователей.

Бригадный метод расследования в УПК ЧССР не упоминается. При решении этого вопроса надо исходить из аналогии с законоположением абз. 5 § 164 УПК¹. Автор исходит из того, что в этом случае положение следователей — членов бригады — аналогично положению органов дознания, обязанных выполнять поручения следователя, и что они не выполняют функции самостоятельных следователей в смысле законоположения абз. 1, 2 и 4 § 164 УПК. Поэто-

¹ Абз. 5 § 164 дает следователю право требовать по делу, которое находится в его производстве, от органов дознания выполнения указаний, необходимых для следствия.

му автор не согласен с утверждением Я. Матиашека, считающего, что следователь из состава бригады может провести эксперимент лишь в порядке отдельного требования в смысле законоположений § 53 и 54 УПК. Такое утверждение не имеет достаточных оснований в законе и противоречит основным тактическим требованиям бригадного метода ведения следствия.

Функции понятых в следственном эксперименте, по мнению диссертанта, заключаются:

а) в наблюдении, регистрации и засвидетельствовании деятельности следователя;

б) в наблюдении, регистрации и засвидетельствовании деятельности участников эксперимента, включая обвиняемых, свидетелей, потерпевших, и их реакции на экспериментальную деятельность;

в) в наблюдении и регистрации внешних проявлений отдельных экспериментальных действий и их засвидетельствовании;

г) в даче предложений, замечаний в ходе эксперимента относительно ситуации эксперимента и опытных действий, которые имеют для следователя субсидиарный характер.

При этом следует иметь в виду, что понятые не должны сами производить опытные действия. В противном случае их нельзя будет в буквальном смысле считать лицами, не заинтересованными в исходе дела, как предусматривает законоположение абз. 2 § 85 УПК, по аналогии с которым решается автором вопрос об участии понятых в эксперименте.

Такая категория участников эксперимента, как вспомогательные лица, является также категорией лиц, не заинтересованных в исходе дела. Однако от понятых они отличаются тем, что не являются свидетелями самого следственного действия (в смысле процессуальных гарантий законности его проведения, а выступают в качестве дублеров обвиняемого или свидетеля-очевидца в случае отказа последних от участия в эксперименте или невозможности такого участия, а также выступают в роли фигурантов при осуществлении разных видов опытов. Эти лица могут быть в ходе эксперимента заменены иными. Деятельность этих лиц при эксперименте в зависимости от его условий может быть самой разнообразной. В диссертации подробно характеризуются качества, которыми должны обладать эти лица в зависимости от содержания и задач эксперимента.

Число вспомогательных участников, равно как и понятых, зависит от характера экспериментальной ситуации.

Роль специалистов, привлекаемых к участию в следственном эксперименте, заключается в оказании помощи следователю при реконструкции обстановки или при объяснении на основе своих профессиональных знаний некоторых явлений или обстоятельств, связанных с отдельными опытами, а также при оценке результатов опытов.

Хотя законоположения УПК ЧССР не предусматривают права обвиняемого и свидетеля участвовать в проведении следственного

эксперимента (равно как и любого другого следственного действия), можно считать, что участие в проведении эксперимента обвиняемого или свидетеля должно быть правилом, особенно тогда, когда результат экспериментально проверяемого события зависит от субъективных свойств этих лиц.

Это, однако, не означает, что из этого правила в практике не делается исключений, связанных с возможностью и целесообразностью замены в ряде случаев в эксперименте обвиняемого или свидетеля вспомогательными лицами.

Возможность замены лиц, показания или свойства которых должны экспериментом проверяться, определяется исходя из тактических целей этого следственного действия и интересов расследования в целом, в том числе исходя из необходимости сохранения в тайне до определенного момента результатов эксперимента, использования воздействия результатов эксперимента на лиц, относительно показаний которых возникают сомнения, и т. п.

Из сказанного можно сделать следующие выводы.

С тактической точки зрения участие в эксперименте обвиняемого или свидетеля имеет факультативный характер. Это значит, что в каждом отдельном случае необходимо решать вопрос об их участии: а) с точки зрения индивидуального характера данного следственного эксперимента; б) с точки зрения характеристики этих лиц и их личного отношения к расследуемому делу, особенно их заинтересованности в установлении объективной истины по делу; в) с точки зрения особенностей расследуемого дела в целом, принимая в расчет остальные доказательства по делу, влияние на дальнейший ход расследования знания этими лицами результатов следственного эксперимента; г) с точки зрения полезности их участия в эксперименте как для его проведения и результатов, так и для дальнейшего следствия и для последующего их отношения к расследуемому делу.

В рассматриваемом параграфе упоминается также об участии в эксперименте защитника и работников Корпуса безопасности.

Новелла 1965 года (§ 41, абз. 2 § 165 УПК) предоставила защитнику права, которые по своему объему не имеют аналогии в европейском законодательстве¹. По этим законоположениям защитник имеет право участия в процессе следствия (но не дознания) в основном во всех следственных действиях, следовательно, и в следственном эксперименте. К участию в эксперименте он может быть не допущен лишь по существенным основаниям, которые по требованию защитника прокурор обязан срочно проверить. Автор считает, что по ознакомлению обвиняемого с результатами следствия и дознания нельзя отказаться от участия защитника в эксперименте; при этом не имеет значения, производится ли эксперимент в целях дополнения следствия по предложению защитника или об-

¹ См. Я. Штепан. Повышение прав защитника на предварительном следствии. «Юридический обзор», № 1. Братислава, 1966, стр. 43.

виняемого. Равно нельзя отказаться от участия в эксперименте защитника по делам о преступлениях несовершеннолетних и лиц, которые в силу физических или психических дефектов не в состоянии защищаться.

Определенный интерес представляет участие в эксперименте работников Корпуса безопасности. Такое участие мотивируется в подавляющем большинстве тактическими соображениями и носит, по мнению автора, пассивный характер (присутствие). Присутствие оперативного работника особенно целесообразно тогда, когда составной частью эксперимента является проверка оперативных сведений, когда оперативный работник имеет возможность на основе эксперимента получить представление о качестве оперативной информации или же получить сведения или ориентировку в направлении дальнейших оперативно-розыскных мероприятий. Оперативный работник при этом не является субъектом эксперимента и не пользуется никакими процессуальными правами и обязанностями. Это участие имеет характер ведомственного содействия.

§ 2. ПОДГОТОВКА К ПРОВЕДЕНИЮ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Подготовка эксперимента является деятельностью, при которой выступают на первый план два аспекта: **организационный и тактический**. Это обосновывается тем, что именно в этой стадии надо создать как организационные, так и тактические предпосылки для проведения эксперимента.

В диссертации указывается, что все подготовительные к производству следственного эксперимента мероприятия осуществляются в два этапа: а) до выезда на место проведения эксперимента и б) после приезда на место эксперимента до его начала.

Автор считает, что такое поэтапное осуществление подготовки к эксперименту имеет практическое значение особенно тогда, когда место проведения эксперимента нуждается в реконструкции или когда при эксперименте необходимо использовать обстоятельства, свойственные именно данному месту.

На первом этапе осуществляются следующие мероприятия:

- а) определение цели и характера опытов по отдельным, решаемым экспериментом вопросам;
- б) определение последовательности предполагаемых опытов;
- в) определение времени проведения эксперимента. Здесь имеются в виду два тактических аспекта: 1) фаза расследуемого дела, на которой выгодно провести эксперимент (результаты эксперимента имеют существенное значение для дальнейшего направления расследования по делу, для дачи правдивых показаний обвиняемым и т. п.); 2) время суток, день недели и т. д. в зависимости от условий видимости, слышимости и т. п.;
- г) определение места проведения эксперимента;

д) определение круга участников эксперимента и решение вопросов, связанных с их участием;

е) подготовка вещественных доказательств или предметов, их заменяющих, необходимых при проведении опытов;

ж) подготовка необходимых технических, транспортных и иных средств.

Кроме указанных типичных мероприятий, на этом этапе подготовки эксперимента в зависимости от ситуации могут быть проведены и иные. Некоторые авторы (например, Н. И. Гуковская и Б. М. Бахарев) рекомендуют на этом этапе эксперимента предварительный выезд следователя на место проведения эксперимента с целью ознакомления с изменениями в ситуации. Кроме того, по их мнению, предварительное знание ситуации на месте эксперимента дает следователю чувство уверенности и способствует полноте и объективности эксперимента и его результатов¹.

С этими взглядами можно согласиться. Эта рекомендация полезна, например, тогда, когда расследуемое дело передано иному следователю. Особое значение это имеет тогда, когда эксперимент приходится проводить на сходном месте: либо потому, что на подлинном месте его провести нельзя (место уже не существует, находится за рубежом и т. п.), либо потому, что подлинное место находится на большом расстоянии и представляется целесообразным избрать иное место, максимально сходное с подлинным.

На втором этапе подготовки (после прибытия на место, до проведения эксперимента) следователь:

а) устанавливает изменения в ситуации на месте проведения эксперимента, проводит реконструкцию, если она необходима для достижения сходства условий;

б) фотографирует ситуацию на месте проведения эксперимента до и после реконструкции;

в) обеспечивает сигналы и средства связи между участниками эксперимента;

г) проводит инструктаж участников эксперимента. Инструктаж должен заключать в себе информацию и разъяснение задач и функций участников при производстве опытов, определение места каждого из участников, ознакомление их с установленными сигналами и указание, какие задачи по тому или иному сигналу выполняются, по какому сигналу или указанию они должны повторить или приостановить свои действия.

Перечень указанных мероприятий, разумеется, не является исчерпывающим. Автор и не преследовал цели перечислить все подготовительные мероприятия; он стремился указать только на наиболее существенные из них, те, которые могут иметь значение **определенных принципов** подготовки к проведению следственного эксперимента.

¹ См. Н. И. Гуковская. Следственный эксперимент. М., 1958, стр. 25; Б. М. Бахарев. Развитие новых следственных действий в советской следственной практике и теории. Кандидатская диссертация. М., 1963, стр. 226.

Некоторые авторы в связи с подготовкой эксперимента упоминают о специальном допросе обвиняемых и свидетелей-очевидцев, показания которых проверяются экспериментом или определяют содержание условий экспериментальной ситуации¹. Действительно, при подготовке к эксперименту могут быть обнаружены определенные пробелы и неясности в показаниях, особенно относительно обстоятельств, в которых произошло исследуемое событие. Следовательно, возникает необходимость пополнить информацию и уточнить ситуацию и условия, в которых лицо воспринимало исследуемое событие, факт, действие. В таком случае надо, по мнению автора, произвести подробный допрос именно с этой целью, но не с целью, например, получения признания в вине, как считает И. И. Гуковская.

Допрос перед проведением эксперимента в отличие, например, от допроса перед предъявлением для опознания автор не считает обязательным условием его проведения; потребность в нем возникает в отдельных случаях в зависимости от ситуации и от качества и полноты имеющихся показаний этих лиц.

§ 3. ПРИНЦИПЫ И ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

При рассмотрении тактических приемов, способов, рекомендаций по проведению следственного эксперимента автор исходит прежде всего из синтеза положений криминалистической техники и тактики, с одной стороны, и положений иных областей научного знания, которые криминалистика использует или перерабатывает в своих целях,— с другой. Эти положения и определяют научно обоснованное содержание принципов применения экспериментального метода познания в области расследования преступлений.

Некоторые тактические условия и приемы следственного эксперимента, разработанные криминалистикой (например, максимальное сходство условий подлинного и экспериментального событий), можно успешно использовать и в тактике проведения иных следственных действий. В то же время анализ криминалистической практики создает убеждение, что при проведении следственного эксперимента применяется ряд специфических только для него тактических приемов, которые не имеют общего распространения и не свойственны иным следственным действиям. Это обуславливается самой сущностью экспериментального метода и его возможностями. Прежде всего имеется в виду возможность повторного наблюдения явления (в отличие, например, от предъявления для опознания, которое является в основном неповторимым следственным действием), изучение явлений, протекающих в обычных условиях слишком быстро, что затрудняет наблюдение их, выделение в про-

¹ См. Л. Е. Ароцкер. Указанная кандидатская диссертация, стр. 145; Б. М. Бахарев. Указанная кандидатская диссертация, стр. 221; Н. И. Гуковская. Следственный эксперимент. М., 1958, стр. 30.

цессе исследования только отдельных сторон, стадий, явлений и т. п.

Эти специфические свойства экспериментального метода полностью проявляются и в следственном эксперименте, и всестороннее их использование является одной из основных предпосылок разработки тактических способов и приемов проведения следственного эксперимента.

В криминалистической литературе можно встретиться с различной трактовкой понятия тактического способа, приема или условия следственного эксперимента. Ими считаются, например, тщательное изучение протокола осмотра, плана, фотодокументации; детальный допрос свидетелей и обвиняемых, показания которых проверяются или имеют значение для правильного создания ситуации эксперимента; выбор и определение числа участников эксперимента; составление плана эксперимента; проверка следственного чемодана; решение вопросов связи между участниками эксперимента; подготовка технических средств; определение места проведения эксперимента и ознакомление с этим местом; решение вопроса об участии специалиста; решение вопроса об участии обвиняемого и свидетелей-очевидцев; решение вопроса о числе понятых; определение пределов эксперимента и др. Эти и другие мероприятия, имеющие иногда не тактический, а организационный или технический характер, нередко объединяются терминами «тактические способы проведения эксперимента», «порядок и тактика проведения эксперимента», «тактика подготовки и проведения эксперимента» и т. п.

Указанные приемы, мероприятия, рекомендации являются, безусловно, полезными; некоторые из них имеют и существенное тактическое значение для подготовки и проведения эксперимента. Однако не в перечислении этих приемов и рекомендаций заключается существо тактики следственного эксперимента.

Некоторые из авторов (например, Л. Е. Ароцкер)¹ утверждают, что в связи с разнообразием проводимых в практике экспериментов нельзя говорить о какой-то универсальной тактике их осуществления, целесообразной во всех случаях.

Автор считает, что при решении вопросов тактики любого процессуального действия, а следовательно, и следственного эксперимента, необходимо исходить из тактических принципов, способов и рекомендаций, имеющих общее значение, выгодных и целесообразных, способствующих правильному, планомерному определению направления и объема расследования, выбору и эффективному проведению определенных следственных действий, положений, предполагающих последовательное использование данных науки и техники и реализующихся в рамках требований закона.

При конструировании тактики конкретного следственного действия, в нашем случае — следственного эксперимента, надо опре-

¹ См. Л. Е. Ароцкер. Указанная кандидатская диссертация, стр. 154.

делять и применять эти принципы в связи со спецификой данного следственного действия, творчески развивать те из них, которые обеспечивают эффективность проведения эксперимента, убедительность его результатов и т. д. Поэтому автор согласен только с тем, что было бы неправильно пользоваться термином «универсальная тактика». Однако это отнюдь не означает, что нельзя на основе теоретического обобщения криминалистической практики определить ряд приемов и рекомендаций, имеющих общую силу для тактики конкретного следственного действия в целом. Подобные тактические приемы не становятся из-за своего общего значения универсальными, их применение, равно как и применение всех иных частных приемов и рекомендаций, зависит от характера и индивидуальных особенностей каждого отдельного случая. Разница заключается лишь в том, что эти общие тактические приемы надо иметь всегда в виду, потому что от их применения в подавляющем большинстве случаев зависит объективность эксперимента и его результатов.

Таковы, по мнению автора, тактические условия следственного эксперимента. Тактические условия при этом понимаются гораздо шире, чем тактические приемы или правила. В этих тактических условиях можно усмотреть **принципы**, по которым производится эксперимент, а в тактических приемах, правилах, способах, рекомендациях — **средства** реализации этих принципов.

К тактическим условиям следует отнести: а) ограниченное число участников эксперимента; б) проведение следственного эксперимента в условиях, максимально сходных с теми, в которых имело место событие или факт, интересующие следствие; в) многократность проведения однородных опытов; г) проведение опытов в несколько этапов.

Представляется, что эта классификация тактических условий охватывает целый комплекс тактических приемов, которые могут использоваться следователем для обеспечения указанных тактических условий. Именно в обеспечении основных тактических условий проведения следственного эксперимента как необходимой предпосылки правильности, а тем самым и достоверности его результатов, автор видит центр тяжести тактики следственного эксперимента.

Исходя из указанного, в соответствии с общими принципами криминалистической тактики, тактикой следственного эксперимента можно считать **совокупность тактических приемов, способов и рекомендаций, обеспечивающих соблюдение основных условий, необходимых для объективного проведения и получения достоверных результатов следственного эксперимента.**

Тактические приемы, способы, рекомендации должны быть законными, то есть такими, которые либо предусмотрены уголовно-процессуальным законом, либо не находятся в противоречии с принципами и духом уголовно-процессуального закона.

Тактические приемы, способы, рекомендации исходят из прин-

ципа целесообразности и служат целям быстроты, оперативности и эффективности проведения эксперимента.

Далее в настоящем параграфе с учетом следственной практики ЧССР подробно рассматриваются отдельные тактические условия и обеспечивающие их тактические приемы проведения эксперимента.

Одним из самых существенных тактических условий автор считает достижение максимального сходства обстановки и содержания экспериментального и исследуемого событий, что на практике обеспечивается целым рядом тактических приемов, операций и способов, в частности: сходством условий видимости; проведением эксперимента на месте, где произошло исследуемое событие; сходством климатических условий; сходством искусственного освещения; проведением в необходимом объеме реконструкции; применением подлинных или сходных предметов; сходством акустических условий; сходством темпа проделываемых опытов; дифференциацией информации участников эксперимента в связи с задачей достижения сходства внимания к экспериментальному явлению и исследуемому событию; учетом изменений условий, не поддающихся реконструкции, и др.

Рассматривая сущность этого тактического условия, автор приходит к выводу, что можно говорить лишь о **сходстве**, но не о **тождестве** условий, явлений, фактов, ибо всякое воспроизведенное событие будет всегда отличаться от воспроизводимого события в силу тождественности каждого объекта исследования только самому себе.

Безусловно, всякая реконструкция прошлой деятельности, факта, явления не может быть тождественной подлинной деятельности факту, явлению, равно как и всякий повторяемый опыт, эксперимент не будет тождествен предыдущему, хотя и будут сохранены те же условия. Всегда речь идет о новой деятельности, новом факте, явлении. Однако следует иметь в виду, что при эксперименте речь не идет об установлении тождества предмета, явления, а об установлении возможности его существования или не существования в данных условиях, в данных обстоятельствах, об установлении механизма его течения, процесса образования следов, возможности восприятия какого-либо явления. Для целей следствия достаточно в этом случае сходства, то есть максимального подобия экспериментального и исследуемого событий.

При оценке достигнутого сходства, о котором идет речь, по мнению автора, необходимо учитывать следующее. В соответствии с известным положением марксистско-ленинской теории отражения любое изменение одного явления отражается на всех остальных, а само изменение не является ничем иным, как каким-то ответом на изменение иных явлений, которые вызывают данное изменение. Предмет, на который воздействует какой-то объект, реагирует на воздействие этого объекта, отражает как воздействие, так и сам объект, и сам воздействует на него. Эксперимент в данном случае

выступает как модель неизвестной (или известной) причины. Эта модель строится по ее следствиям — по следам, по наблюдениям свидетелей-очевидцев, данным потерпевшего или обвиняемого.

Происшедшее явление, с точки зрения диалектической логики, уже в ходе своего развития постоянно отличалось от самого себя. Весь его ход сопровождался динамическими изменениями и действиями, которые отразились на окружающей их среде, в свою очередь в определенной мере детерминировавшей протекающее явление. Именно поэтому диалектическая логика понимает тождество как постоянство качественной определенности объекта, как релятивное постоянство его существенных признаков и одновременно допускает возможность постепенных количественных изменений несущественных признаков. При решении вопроса о тождестве объекта в данный момент в процессе познания события преступления необходимо исходить из определенной степени изменчивости данного объекта, из установления изменений в определенном промежутке времени, учитывать относительное постоянство признаков.

При решении вопросов достижения максимального сходства условий экспериментального и исследуемого событий необходимо исходить, по мнению автора, из приведенных положений при обосновании необходимости этого сходства в ситуации конкретного эксперимента, влияния условий и их изменений на результаты опытов.

Для достоверности следственного эксперимента и его результатов имеют значение только такие результаты, которые были опытным путем получены в условиях, максимально сходных с условиями исследуемого события, если данные условия имеют для результатов эксперимента существенное значение.

§ 4. ФИКСАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

В этом параграфе рассматриваются прежде всего средства фиксации следственного эксперимента и его результатов, а именно: протокол следственного эксперимента, графические документы, фотографирование, киносъемка. Среди них автор уделяет особое внимание протоколу эксперимента. Это объясняется, во-первых, отсутствием законодательной регламентации следственного эксперимента в ЧССР и, во-вторых, недостаточной теоретической разработкой вопросов протоколирования в криминалистической и процессуальной литературе вообще. Поэтому в диссертации подробно исследуется содержание протокола, всех его трех частей: вводной, описательной, заключительной.

Определенное внимание уделяется киносъемке как средству фиксации хода эксперимента и его результатов (оптически воспринимаемых). К этому средству фиксации эксперимента в следственной практике ЧССР прибегают редко. Это объясняется как сравнительно большой сложностью, так и недооценкой этого средства фиксации.

Однако при помощи таких средств, как протокол, фотосъемка, графические изображения, модели (макеты), невозможно зафиксировать ряд деталей отдельных опытов. Так, протоколированием следователь фиксирует только то, что воспринимает при наблюдении за отдельными опытами, что запомнил и сформулировал в виде принятых профессиональных понятий, иногда не отражающих достаточно верно действительность. Посредством фотосъемки фиксируются только отдельные моменты опытной деятельности. Планы, схемы отображают, главным образом, пространственные отношения участников эксперимента или ситуацию на определенном этапе перед или после окончания опытов.

Несколько иначе обстоит дело, когда для фиксации хода и результатов эксперимента используется киносъемка. Хотя мы не собираемся принижать значения протоколирования следственного эксперимента, которое является необходимым, надо констатировать, что киносъемка как средство фиксации всей деятельности (или же ее существенной части) в ее естественном движении дает возможность в основном полно и точно зафиксировать содержание опытов, а затем демонстрировать их неоднократно, что дает возможность их детального исследования. Этот способ лишен значительной части недостатков традиционных способов фиксации.

Надо, однако, отметить, что киносъемка является сложным и технически трудным средством фиксации. Осуществляющее киносъемку лицо должно заранее иметь представление о всем содержании эксперимента, ознакомиться с местом его проведения, индивидуальными особенностями, при необходимости использовать добавочное освещение и т. д. С учетом всего этого оператор должен выбрать подходящую аппаратуру, объективы, приборы для освещения, определить места съемки, чтобы не допустить перспективных искажений, и т. п. Для киносъемки более сложных экспериментов, видимо, необходим специальный сценарий. Такая подготовка съемки, безусловно, является очень трудоемкой. Поэтому автор считает, что киносъемку в качестве средства фиксации можно реально рекомендовать только в случаях сложных экспериментов, когда подробное протоколирование затруднительно и киносъемка является гарантией правильной фиксации самой существенной части экспериментальной деятельности и ее результатов.

Преимущество киносъемки заключается в том, что она фиксирует всю деятельность, действия в движении и тем самым более полно, чем фотоснимок, отражает действительную ситуацию, что, безусловно, имеет значение особенно для судебного разбирательства.

Из указанного ясно, что назначением киносъемки в данном случае **не является** только иллюстрация протокола. По законоположению абз. 2 § 89 УПК доказательством может служить все, что способствует объяснению дела, особенно показания обвиняемых и свидетелей, заключения экспертов, вещи и документы, имеющие значение для дела, и осмотр. Это перечисление доказательственных

средств не является исчерпывающим, приводится как примерное в отношении самых распространенных из них (не случайно законодатель употребляет выражение «особенно»). Поэтому доказательственным средством может быть и иное, в законе прямо не упоминаемое средство, например кино съемка, звукозапись¹.

К эффективным средствам фиксации следственного эксперимента, по мнению автора, принадлежит и звукозапись. Уже отмечалось, что отразить весь ход и результаты динамического действия очень трудно, в ряде случаев более сложно, чем зафиксировать результаты осмотра места происшествия. В ходе эксперимента следователь вынужден делать множество подробных заметок, на основе которых после проведения эксперимента мысленно реконструирует весь ход эксперимента и формулирует протокол. При этом существует всегда опасность, что некоторые серьезные обстоятельства будут упущены, неточно зафиксированы, некоторые впечатления исчезнут и т. п. Поэтому полезно при производстве следственного эксперимента использовать диктофон и записывать на магнитную ленту спонтанно, без ограничения, непосредственно воспринимаемое, наблюдаемое в ходе и результате опытной деятельности. Этим способом фиксации можно исключить грубые ошибки в фиксации доказательственной информации и описании хода и результатов следственного эксперимента в протоколе.

¹ См. Ф. Штайгр. Примечания к современным теориям доказательств в праве. «Государство и право», 1967, № 13, стр. 50. Прага (на чешском языке).

Глава III

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

§ 1. ДОСТОВЕРНОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Одной из задач оценки доказательств является установление достоверности их содержания. Только достоверные доказательства могут служить логической основой для выведения суждения о существовании или несуществовании конкретного факта, имеющего значение для решения по делу.

В чехословацком судопроизводстве (равно как и во всех социалистических государствах) господствует принцип объективной истины. С этим принципом неразрывно связан принцип свободной оценки доказательств, предоставляющий органу, производящему оценку доказательства, возможность самому судить, совпадают ли полученные им сведения с объективной реальностью, делать из этого вывод об их достоверности и истинности.

Достоверность не тождественна понятию истинности доказательства. Достоверность доказательства лишь означает, что это доказательство может быть истинным. Поэтому достоверные результаты следственного эксперимента еще не обязательно являются истинными, а получение в итоге эксперимента недостоверных результатов еще не значит, что информация, на основе которой эксперимент производился, является ложной. Недостоверность еще не является доказательством противоположности. Ее последствием является только тот факт, что при помощи такого доказательства (недостоверного) нельзя доказать истинность его содержания¹.

Процесс установления и определения достоверности, равно как определение допустимости доказательства, не является единовременным актом. Это процесс, протекающий в течение всего производства по делу, выдвижения версий и принятия решений. Он завершается формулированием конечных выводов по делу на основе совокупности всех собранных доказательств. Поэтому кажется проблематичным утверждение Л. Е. Ароцкера, считающего, что о достоверности выясненных следователем фактов можно говорить только после их установления судом в приговоре, вступившем в

¹ См. Я. Фиала. Понятие доказательства в процессуальном смысле. «Государство и право», 1967, № 13, стр. 30. Прага (на чешском языке).

законную силу¹. Такое решение проблемы означало бы фактически лишение следователя права на оценку доказательств, то есть ограничение его процессуальной самостоятельности и компетенции, ибо оценку доказательств нельзя оторвать от всего процесса расследования. Вывод о достоверности отдельного доказательства имеет существенное значение для оценки, осуществляющейся в течение всего следствия. Если доказательство является недостоверным, не возникнет необходимости изыскивать его подтверждения; если вывод о достоверности доказательства еще не обоснован, возникает необходимость поиска подтверждающих или опровергающих этот вывод доказательств².

Оценка достоверности доказательства заключается в установлении свойств его носителя. Достоверность является свойством лица или информации, которую дает лицо или вещь. При этом речь идет о всестороннем исследовании всего механизма возникновения доказательственной информации как у лиц, так и у вещей. В таком исследовании используются сведения разных отраслей науки, особенно криминалистики, судебной психологии и т. п.

Если попытаться применить сказанное к оценке результатов следственного эксперимента, то оказывается, что необходимо исследовать ряд обстоятельств, чтобы констатировать, что результаты следственного эксперимента являются достоверными или недостоверными.

Так, при исследовании одного из самых важных обстоятельств — оценки условий проведения следственного эксперимента — необходимо, по мнению автора, исходить из оценки основных источников информации, на основе которых были эти условия созданы или выбраны (например, естественные условия). Это касается оценки показаний лиц, изучения материалов, осмотра места происшествия (протокола, фотодокументации) и т. д., то есть источников, на основе которых были эти условия созданы. Далее необходимо исследовать влияние психологических и физиологических факторов на ход и результаты эксперимента. Особенно важно это сделать применительно к лицам, заменяющим конкретного свидетеля или обвиняемого, когда существенно, чтобы их состояние было максимально подобно состоянию участников проверяемого события. Например, при эксперименте по проверке слышимости необходимо проверить состояние слуха, при эксперименте на видимость — состояние зрения участников эксперимента.

Если при эксперименте используются подлинные или заменяющие их предметы, необходимо изучить, обладают ли они в момент эксперимента необходимыми свойствами особенно тогда, когда эти свойства имеют для эксперимента существенное значение.

¹ См. Л. Е. Ароцкер. Указанная кандидатская диссертация, стр. 233.

² См. Я. Фиала. Указанная выше работа, стр. 33—34.

Если осуществлялась реконструкция как элемент эксперимента необходимо выяснить, оказались ли удовлетворяющими требованию достижения нужной степени сходства ее результаты, а если необходимого сходства достичь не удалось, то может ли это оказать влияние на объективность результатов эксперимента. То же самое можно сказать и в отношении сходства источников звука, если звуковой эффект является предметом эксперимента, а также состояние посторонних звуков (звукового фона) и влияние изменений в этих условиях.

Оценка результатов эксперимента включает оценку и его методической части. Здесь имеется в виду оценка темпа проделанных опытов, когда необходимо соблюдение сходства темпа эксперимента с темпом исследуемого события. Далее, это оценка количества проделанных опытов, результатов отдельных однородных опытов и результатов отдельных опытов, проделанных в измененных условиях, в целях подтверждения вывода о том, что результаты эксперимента являются не случайными, а в данных условиях единственно возможными, объективно необходимыми.

Нельзя перечислить все обеспечивающие условия проведения эксперимента факторы, которые подвергаются проверке в связи с оценкой результатов эксперимента. Это зависит от ситуации каждого отдельного случая. Автор стремился показать лишь некоторые из них, которым он приписывает роль общих и которые надо иметь всегда в виду, оценивая результаты эксперимента с точки зрения их достоверности.

Достоверность результатов эксперимента означает, что зафиксированные результаты проделанных опытов были объективно необходимыми при проведении конкретных опытов в данных конкретных условиях. Иными словами, что все проделанные опыты окончились одинаковым результатом, единственно возможным в данных условиях, что результат не является случайным. С гносеологической точки зрения это свидетельствует о существовании глубоких внутренних отношений между экспериментально проверяемыми явлениями, об относительном постоянстве формы этих отношений и о неизбежности их проявления.

Недостоверные результаты следственного эксперимента характеризуются тем, что факты, содержащиеся в них, не были точно установлены. Это особенно важно тогда, когда результаты проделанных однородных (многократно повторяемых) опытов будут разными, что свидетельствует о том, что в данных конкретных условиях определенный результат не является неизбежным, единственно возможным, что существование предполагаемых внутренних отношений в экспериментальном явлении не подтверждается. Такие результаты необходимо считать случайными и их нельзя оценивать как достоверные. С точки зрения логики это свидетельствует о том, что гипотеза, проверявшаяся экспериментом, не подтвердилась.

§ 2. ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Как отмечалось в § 2 гл. I диссертации, следственный эксперимент как процессуальное действие является способом получения доказательств об обстоятельствах, являющихся предметом доказывания по делу. Хотя регламентация эксперимента в УПК ЧССР и отсутствует — это положение находится в полном соответствии с законоположением абз. 2 § 89 УПК, содержащим лишь примерный перечень доказательственных средств, не включающий даже некоторые из тех, которые в законе закреплены.

Уголовно-процессуальный закон не знает следственного действия, которое не являлось бы средством получения или проверки доказательств. Известно, что проверка доказательств может осуществляться только при помощи доказательств. Сведения, полученные из иных, непроцессуальных источников, могут быть использованы для проверки доказательств только тогда, когда сами будут подтверждены в ходе процессуальной деятельности органов уголовного судопроизводства.

В связи с этим в диссертации рассматриваются вопросы о характере доказательств, получаемых в результате эксперимента и об их доказательственном значении.

Первым из рассматриваемых вопросов является вопрос о том, являются ли результаты следственного эксперимента первоначальным или производным доказательством.

Первоначальным в теории считается такое доказательство, которое получено из непосредственного источника. В этом случае доказательственную информацию следователь получает от лица, непосредственно наблюдавшего событие, факт, явление, о котором идет речь, из документа, составленного таким лицом, из заключения эксперта, из вещественного доказательства, представляющего след или остаток события.

Следственный эксперимент относится к тем процессуальным действиям, в ходе которых факты, явления непосредственно наблюдаются, воспринимаются в их возникновении и течении. Благодаря тому, что в эксперименте реконструируется ситуация и опытным путем вызываются определенные явления и обстоятельства исследуемого события, предоставляется возможность непосредственного сравнения исследуемого и экспериментального явления, действия, факта. Непосредственным наблюдателем при этом являются следователь, прокурор или суд, которые, таким образом, прямо получают сведения о факте, входящем в предмет доказывания по делу. Свои наблюдения и полученную информацию субъект доказывания отражает в процессуальном документе, содержание которого является первоначальным доказательством. Следственный эксперимент, следовательно, является первичным источником информации по делу, а его результаты являются первоначальными доказательствами.

При этом, по мнению автора, не является решающим, основывается ли проведение эксперимента на показаниях лиц, данных, по-

лученных путем осмотра места происшествия, или на базе следственной версии, то есть на основе первоначальных или производных доказательств. Решающим является тот факт, что следователь в ходе эксперимента воспринимает течение экспериментальным путем вызванных явлений сам, непосредственно сравнивает эти явления и их результаты с мысленной картиной подлинного действия и его последствий и, таким образом, получает основания для решения вопроса об истинности проверяемого события, о возможности существования или несуществования явления, факта, обстоятельства.

Второй из рассматриваемых вопросов — это вопрос о том, являются ли результаты следственного эксперимента личным или вещественным доказательством. Сущность этого вопроса заключается в определении носителя доказательственной информации, ибо различие между личным и вещественным доказательством надо искать в способах и условиях их возникновения, в формировании и сохранении информации.

Мысленное отображение в сознании людей и ему соответствующие формы образования, хранения и передачи информации в человеческой памяти дают личные доказательства, представляющие собой сообщения людей. К личным доказательствам относятся показания свидетелей, потерпевших, обвиняемых и т. д.

Материальные последствия события, а следовательно, соответствующие формы образования, хранения и передачи информации создают вещественные доказательства. Перечень вещественных доказательств предусмотрен законоположением абз. 1 § 112 УПК ЧССР. По этому положению «вещественными доказательствами являются предметы, которыми или в отношении которых было совершено преступление, иные предметы, которые подтверждают или опровергают доказываемый факт и могут служить средством к обнаружению и установлению преступления, его исполнителя, а также следов преступления».

Из сказанного можно заключить, что результаты следственного эксперимента, фиксируемые в протоколе этого следственного действия, относятся в большей мере к личным доказательствам.

Результаты эксперимента фиксируются в протоколе следственного эксперимента, в котором содержатся свидетельства о том, что видели, слышали, делали участники опыта. Равно и фотоснимки, графические изображения, кинофильмы или фонограммы, которые являются приложением к протоколу, по своему характеру, на наш взгляд, примыкают к личным доказательствам.

Однако в некоторых случаях в результате следственного эксперимента могут быть получены и новые вещественные доказательства. В диссертации подчеркивается, что является спорным, можно ли в процессе расследования создать новые вещественные доказательства, которые объективно не существовали в качестве последствия события, являющегося предметом расследования по делу. В связи с этим рассматривается вопрос о получении следо-

вателем экспериментальных образцов для сравнительного исследования.

В процессуальной и криминалистической литературе образцы признаются: а) вещественными доказательствами¹, в) производными вещественными доказательствами² и в) объектами самостоятельного характера, назначением которых является способствование установлению тождества лиц и вещей³.

Эти вопросы не регламентируются чехословацким уголовно-процессуальным законом. Автор склоняется к тому, что сравнительные образцы для экспертного исследования, полученные в процессуальном порядке, по своему характеру ближе всего к вещественным доказательствам.

Весьма близки к образцам для сравнительного исследования в некоторых случаях результаты следственного эксперимента, когда они выступают в виде материальных результатов опытов. Например, при эксперименте по установлению профессиональных знаний и навыков обвиняемого в сходных условиях (с использованием сходного материала, подлинных инструментов и т. д.) могут быть изготовлены документы, штампы, клише и т. п., аналогичные тем, которыми он пользовался в преступной деятельности. Эти изготовленные обвиняемым в ходе эксперимента объекты имеют все признаки вещественного доказательства, притом доказательства нового, до тех пор не фигурировавшего по делу. Эти объекты могут сами стать предметом дальнейшего экспертного исследования.

Далее, в настоящем параграфе рассматривается вопрос о том, имеют ли результаты следственного эксперимента характер прямых или косвенных доказательств. Такое деление доказательств детерминируется их отношением к доказываемому факту или же к выводу, который на их основе делают следователь или суд. В данном случае речь идет не о качестве, а о функции доказательства, то есть не о том, что оно доказывает, а о том, каким образом связано с исследуемым фактом.

Прямым доказательством считается такое, которое прямо подтверждает или опровергает доказываемый факт, виновность или невиновность обвиняемого. Между прямым доказательством и доказываемым фактом существует прямое, непосредственное отношение. В противоположность этому, косвенным считается такое доказательство, которое доказывает иной, побочный факт, по которому можно судить, имел или не имел место факт, относящийся к предмету доказывания. Косвенное доказательство объясняет доказываемый факт при помощи иного факта, который к доказываемому факту имеет косвенное отношение⁴.

¹ См. Научно-практический комментарий к УПК РСФСР. М., 1965, стр. 145.

² См. И. Л. Петрухин. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964, стр. 178.

³ См. А. И. Винберг. Образцы для сравнительного исследования. В сб. «Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства». М., 1962, стр. 45—48.

⁴ См. В. Солна р ж и др. Указанная выше работа, стр. 131.

Возникает вопрос, характер какого в этом аспекте доказательства имеют результаты следственного эксперимента. Взгляды по этому вопросу несколько расходятся. Например, А. И. Винберг, Г. М. Миньковский и Р. Д. Рахунов утверждают, что следственный эксперимент в связи с его характером, равно как и осмолтр, являются, как правило, одним из способов получения косвенных доказательств¹. По мнению Р. С. Белкина, результаты следственного эксперимента могут быть прямым и косвенным доказательством по делу². Н. И. Гуковская утверждает, что результаты следственного эксперимента во всех случаях являются косвенными доказательствами³.

Этот вопрос тесно связан с дифференцированным значением так называемых отрицательных и положительных результатов эксперимента. В криминалистической и процессуальной литературе часто высказывается мнение, что на основе отрицательных результатов эксперимента (невозможно увидеть, услышать и т. д.) можно сделать достоверные выводы о невозможности существования определенного события, факта или явления. Положительные же результаты дают основания только для более или менее вероятных выводов.

Эти взгляды, по мнению автора, являются неточными, потому что в них не отражается различие достоверности результатов следственного эксперимента и достоверности выводов, сделанных на основе результатов эксперимента.

Достоверный вывод может быть сделан только из достоверных результатов эксперимента. Если результаты проделанных опытов покажут однозначно, что, например, с данного места нельзя увидеть человека, что через отверстие в потолке нельзя проникнуть в помещение и т. п., то есть будет установлен факт, называемый отрицательным результатом эксперимента, то этот результат можно считать достоверным и на его основе сделать достоверный вывод, что и в момент происшествия лицо не видело подозреваемого, что в помещение через отверстие никто не проникал и т. д.

Если результаты опытов покажут, что с данного места можно увидеть человека, что через данное отверстие можно проникнуть в помещение, то опять речь идет о достоверных результатах следственного эксперимента. Однако нельзя на их основе сделать вывод, что подобные результатам эксперимента явления действительно происходили в момент происшествия. В данном случае устанавливается возможность явления, но не его действительность. Однако в первом и втором случаях идет речь о **выводах**, об оценке **выводов** из достоверных результатов эксперимента, но не о самих резуль-

¹ См. А. И. Винберг, Г. М. Миньковский и Р. Д. Рахунов. Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1956, стр. 123.

² См. Р. С. Белкин. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М., 1964, стр. 100—101.

³ См. Н. И. Гуковская. Указанная кандидатская диссертация, стр. 167.

татах. Из недостоверных результатов эксперимента нельзя сделать упоминаемых выводов.

Различие в оценке доказательственного значения отрицательных и положительных результатов эксперимента заключается в том, что достоверный вывод из положительных результатов можно сделать только после их сопоставления с другими доказательствами по делу. В зависимости от результата этого сопоставления возникнет возможность говорить о достоверности наших сведений о данном явлении, между тем как достоверность выводов из отрицательного результата эксперимента можно в ряде случаев установить сразу, потому что в большинстве случаев она явна¹.

Из сказанного можно сделать вывод, что достоверность выводов из результатов эксперимента не зависит только от того, являются ли они отрицательными или положительными в отношении проверяемого явления, факта, события. И положительный результат при соблюдении необходимых условий проведения эксперимента как основной предпосылки его достоверности может стать полноценным доказательством.

Таким образом, отрицательные результаты эксперимента (разумеется, достоверные) имеют категорический характер и в отношении **проверяемого** факта (например, показаний свидетеля) будут играть роль прямого доказательства его истинности. В отношении **доказываемого** факта эти отрицательные результаты будут играть роль косвенного доказательства. Напротив, положительные результаты эксперимента в отношении проверяемого факта будут играть роль косвенного доказательства его истинности и сами по себе не дают основания оценивать проверяемый факт как доказательство по делу.

Такой подход к оценке положительных результатов эксперимента имеет место в ходе следствия, на промежуточном его этапе, когда они могут служить основанием для действий по обнаружению других доказательств, для определения направления дальнейшего следствия и т. д. По-другому надо подходить к оценке этих результатов при завершении следствия по делу. Оценка отдельных доказательств является только частью деятельности, регламентированной законом (абз. 6 § 2 УПК ЧССР, ст. 71 УПК РСФСР); с философской точки зрения это только часть проявления диалектической закономерности исследования явлений. Доказательства по делу необходимо оценивать не только по отдельности, но и в их совокупности. Таким образом, от того, будут ли эти положительные результаты эксперимента подтверждены другими доказательствами

¹ В настоящей диссертации упоминается и о случаях, когда нельзя на основе отрицательных результатов сразу сделать достоверный вывод о невозможности существования определенного факта, явления. Такие случаи в своих работах правильно рассматривают Н. И. Гуковская и А. Р. Ратинов. Автор разделяет взгляды обоих указанных авторов (см. Н. И. Гуковская. Указанная кандидатская диссертация, стр. 151; А. Р. Ратинов. Судебная психология для следователей. М., 1967, стр. 270).

по делу, согласуются ли они с ними, зависит, могут ли они служить основанием для достоверного вывода о проверяемом факте, явлении, событии и тем самым для решения по делу.

Автор диссертации стремился рассмотреть некоторые существенные вопросы теории и практики следственного эксперимента и сделать более доступными для чехословацких криминалистов достижения советских криминалистов и процессуалистов, глубоко разработавших проблему следственного эксперимента. Автор надеется, что его скромный вклад в разработку этой сложной проблематики в ЧССР вместе с обобщенным положительным опытом советских коллег окажет помощь научным и практическим работникам нашей страны.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. Некоторые вопросы криминалистической тактики в связи со следственным экспериментом. «Сборник статей адъюнктов и соискателей». М., ВШ МООП СССР, 1968 (0,5 п. л.).

2. Некоторые вопросы криминалистической тактики и тактики следственного эксперимента. «Чехословацкая криминалистика», вып. I/1968, № 2 (0,4 п. л.).

3. Значение использования экспериментального метода в криминалистике. «Чехословацкая криминалистика», вып. II/1969, № 2, (0,3 п. л.).

4. Следственный эксперимент. Глава в учебнике «Криминалистика». Институт криминалистики юридического факультета Университета Карла. Прага, 1969 (1,5 п. л.).

5. Следственный эксперимент. Глава в учебнике «Криминалистика» для вузов (в печати) (1 п. л.).
